

Андрей ЗЕЛЕНИН

КОРЮШКИН. ИСТОРИИ ПЕРВОКЛАССНИКА

«Пермский писатель»
Пермь
2014

УДК 821.161.1
ББК 84 (2 Рос-Рус) 6
З 48

Подготовка электронной версии книги «Корюшкин. Истории первоклассника» (рассказы, повесть) Андрея Сергеевича Зеленина в рамках проекта «Пермская библиотека» (www.kulturaperm.ru) осуществлена при поддержке Министерства культуры, молодёжной политики и массовых коммуникаций Пермского края и при содействии Пермской краевой общественной (профессиональной) организации Союза писателей России.

Художник *И. В. Пимурзина*

Зеленин А. С.
З 48 Корюшкин. Истории первоклассника: Рассказы, повесть. – Пермь, 2014. – 160 с., ил.

Приключения мальчишки-первоклассника – в школе и дома, у друзей в городе и в гостях в деревне, с друзьями и даже... с Бабой-ягой! Причём приключения не-вы-ду-ман-ны-е.

В том, что они невыдуманные, легко убедиться, прочитав книгу настоящего детского писателя Андрея Зеленина про самого настоящего первоклассника Мишу Корюшкина.

Книга состоит сразу из двух книг, в своё время выдержавших несколько изданий.

КОРЮШКИН
НЕВЫДУМАННЫЕ
ИСТОРИИ

О КОРЮШКИНЕ

Это – мальчишка, который когда-то учился в первом классе, попадал в различные истории и прибегал к автору, чтобы рассказать о произошедшем. Из его рассказов, собственно говоря, и получилась эта книжка.

Тот, кто решит, что Корюшкин и А. С. Зеленин – одно лицо, будет немножко прав. Немножко...

И не забывайте, ударение в фамилии Корюшкин ставится на первый слог, на букву «О».

СОВПАДЕНИЯ

Однажды Корюшкин принёс в школу котёнка.

Котёнок был маленьким и серым, только задние лапки у него были будто бы одеты в белые носочки.

Котёнок сам подошёл к Корюшкину – сырой и продрогший. А на улице была осень, и шёл дождь.

Жалко стало Корюшкину котёнка, и он взял его с собой. В школу. И спрятал в ранце.

Корюшкину было семь лет, и он учился в первом классе.

Людмиле Анатольевне, его учительнице, Корюшкин не нравился.

Нет! Как ученик он был отличником! Но вот любовь Корюшкина к животным... Эта любовь выводила Людмилу Анатольевну из себя.

Вчера Корюшкин притащил в школу бездомную собаку.

Позавчера – голубя с перебитым крылом.

На прошлой неделе он нашёл настоящую лягушку.

А в самый первый школьный день, то есть первого сентября, Корюшкин отличился тем, что принёс с собой в школу... ужа! Змею такую! Неядовитую.

Но ведь не виноват же он был, что все эти звери ему попадались! Это же были просто сов-па-де-ни-я обстоятельств!

Корюшкин так и объяснял Людмиле Анатольевне: мол, это совпадения...

Но учительница выгоняла Корюшкина из класса и требовала родителей, исписывая дневник Корюшкина всяческими нравоучениями.

Когда прозвенел звонок на урок, Корюшкин задрожал. От страха.

«Вот сейчас в класс войдёт Людмила Анатольевна, котёнок в ранце запищит или замяукает, и меня опять выставят в коридор!..»

Так оно и вышло.

Вернее, почти так.

Людмила Анатольевна начала урок.

Котёнок в ранце мяукнул. Всего один раз. И даже не громко – тихо.

Но и этого хватило.

– Корюшкин! – грозно произнесла Людмила Анатольевна. – Опять как всегда?!

– Он мёрз, – виновато ответил Корюшкин, вставая. – Ему было холодно.

– Доставай его! – строго сказала Людмила Анатольевна. – В ранце котёнку не место!

«Вот-вот, – подумал Корюшкин, – сейчас-то нас и выгонят. А дома мама с папой будут ругать. Потом позвонят бабушка с дедушкой, и тогда достанется ещё и от них!..»

И вдруг!

Вдруг случилось что-то невероятное!

– Как ты его назвал? – спросила Людмила Анатольевна.

– Это совпадение, – вместо ответа стал оправдываться Корюшкин. – Я шёл по улице, а он...

– Так, значит, так и назвал котёнка – Совпадение?! – перебила Корюшкина учительница.

И тут же весь класс дружно захохотал. Смеялась Людмила Анатольевна, смеялся Корюшкин, смеялись все.

А потом учительница сказала:

– Корюшкин, можно я возьму котёнка к себе домой? Ему у меня будет хорошо. А звать я его стану Совиком, сокращённо от Совпадения. Можно?

– Можно! – разрешил Корюшкин.

А сам подумал: «Вот это да! Бывает же такое!»

...На следующей неделе из городского зоопарка сбежал маленький тигрёнок.

Вы, конечно же, догадались, кто его встретил?

Да-да, именно Корюшкин!

Бывают же совпадения!

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С КОРЮШКИНЫМ

Однажды Корюшкин не пошёл в школу.

Уже и будильник, заведённый мамой, прозвенел. И пёс Тимка, удивлённый происходящим, заглянул в комнату. И кот Кузьма, спрыгнув с кровати, убежал на кухню. Что-то непонятное проговорил сидящий в клетке попугай Иннокентий Петрович, завозился в своём игрушечном домике хомячок Тимон, а Корюшкин всё лежал и не открывал глаза.

И тогда в комнату Корюшкина вошла мама.

Вообще-то по утрам к Корюшкину заходил папа, но в этот раз папа был в командировке.

– Корюшкин, подъём! – сказала мама.

Странно, но Корюшкина все звали по фамилии. Хотя у него было прекрасное имя – Михаил. Однако даже друзья, встречая Корюшкина на улице, кричали ему: «Эй, Корюшкин! Привет, Корюшкин!»

– Подъём! – повторила мама. – Пора вставать – и в школу!

– Не пойду, – открывая один глаз, наконец-то отозвался Корюшкин.

– Ты не заболел? – тут же перепугалась мама. – У тебя температура? Говорила я тебе: не ходи в ботинках по лужам, ноги промокнут!

На тему болезней мама могла говорить долго, поэтому Корюшкин довольно-таки невежливо – впрочем, чего не скажешь после сна! – перебил её:

– Ничего я не заболел!

– Так! – строго сказала тогда мама. – Значит, филонишь? Значит, решил прогуливать? И это с первого-то класса! Как тебе не стыдно?!

– Не стыдно, – пробурчал в ответ Корюшкин, открывая второй глаз, зевая и потягиваясь.

– Корюшкин, тебя что, в школе кто-то бьёт? – выдвинула уж совсем невероятное предположение мама. – Над тобой издеваются?

Да, это было уже слишком!

В школе Корюшкина любили все, даже учительница Людмила Анатольевна, особенно после истории с котёнком.

Поэтому Корюшкин не выдержал. Он даже сел на кровати.

– Никто меня не бьёт! Никто надо мной не издевается! Меня все любят!

– Ну, тогда почему? – взмолилась мама. – Почему ты не хочешь идти в школу?

– Да потому что сегодня – каникулы! – чуть ли не закричал Корюшкин. – Ты же сама меня в пятницу с первыми каникулами поздравляла!..

Ах, до чего же забывчивыми бывают иногда родители, и как долго смеялась мама над своей оплошностью! Но...

Но самое интересное произошло в день, когда каникулы закончились.

Корюшкин спал, думая, что у него всё ещё каникулы, а мама Корюшкина спала, думая, что её сын сам всё знает. И только учительница Корюшкина, Людмила Анатольевна, начиная в школе урок, думала: «Что же случилось с Корюшкиным?»

СОН

Однажды Корюшкину приснился сон.

– Ну! – скажете вы. – Со всеми такое бывает!

– Бывает, – соглашусь я с вами. И оговорюсь: – Здесь – случай особенный!

Снилось Корюшкину, что рано утром в его комнате затрезвонил будильник. А кот Кузьма, который у Корюшкина в ногах спал, соскочил с кровати да на стол – прыг! – будильник в зубы схватил и из комнаты унёс.

А потом снилось Корюшкину, как зашла в его комнату мама и, всплёскивая руками, стала удивляться:

– Ты представляешь, Корюшкин, что наш Кузьма учудил! Будильник твой ко мне на кухню принёс!

И длился сон Корюшкина дальше.

И шло во сне всё своим чередом, по порядочку, как всегда.

Снилось Корюшкину, как оделся он, умылся, зубы почистил, постель заправил, позавтракал тем, что мама приготовила, на костюм курточку накинул, ногами в ботинки влез, на голову шапку натянул и – потопал в школу.

– Привет, Корюшкин! – говорили ему во сне друзья-одноклассники, попадаясь по дороге.

– Здравствуй, Корюшкин! – солидно поздоровался с Корюшкиным знакомый ему десятиклассник Валера.

– Здравствуйте все! – сказал Корюшкин, заходя в школу.

И почти все ребята, кто Корюшкина знал, наперебой заговорили:

– О, Корюшкин!

– Привет, Корюшкин!

– Здравствуй, Корюшкин!..

А потом начались уроки.

Их было во сне пять: математика, окружающий мир, русский язык, труд и физкультура.

И на каждом уроке Корюшкин по пятёрке в дневник получил.

По математике – за то, что примеры правильно решил.

По окружающему миру – за домашнюю работу.

По русскому – чище всех слова с классной доски в свою тетрадь переписал.

На труде – дырку на пиджаке соседа по парте Митьки Ивченко зашил.

А уж про физкультуру и говорить нечего! Бегал Корюшкин быстрее всех в классе!

Вернулся Корюшкин домой. Настроение – лучше некуда! Дневник пятёрками сияет.

А когда родители вернулись с работы домой, папа ради радости такой великой специально в магазин за маленьким тортиком сбегал.

И вот сидели они за столом – папа, мама да Корюшкин, – торт ели, и вдруг Корюшкин говорит, кусок пережёвывая:

– НУ И КВАФНЫЙ ВЭ ФОН ФНИТФА! ДАВЭ ПВОФЫФАФА НЕ ХОФЭФА!

– Что-что? – папа с мамой не поняли.

Пришлось Корюшкину кусок торта дожевать и чаем запить. А потом повторить:

– Ну и классный же сон снится! Даже просыпаться не хочется!

И тут!

Чуть люстра с потолка не упала, кот Кузьма от страха под холодильник забился, пёс Тимка из коридора прибежал – так папа с мамой расхохотались громко.

– Вы чего? – удивился Корюшкин.

А мама с папой ему в голос ответили:

– Да какой же это сон, Корюшкин? Это же всё на самом деле!

– Не может быть! – ещё больше родителей удивился Корюшкин. Но потом, поразмыслив немного, сказал:
– А ведь и правда не сон. Во сне-то я пятёрок бы побольше получил, и торт бы вы мне покрупнее купили бы. Да?

«НОВЫЙ ГОД»

Однажды Корюшкин решил встретить Новый год.

Да, и, естественно, это было зимой. И, конечно же, в декабре. А как вы думали?

Вообще-то Новый год Корюшкин уже встречал. Раньше. Когда ему было шесть лет, пять лет, четыре года...

Все те «Новые года» Корюшкин встречал дома. С родителями, с бабушкой и дедушкой, со взрослыми знакомыми и маленькими друзьями. И ещё ни разу Корюшкину не удавалось увидеть этот самый «Новый год»!

Часы из телевизора били двенадцать раз, Корюшкин почему-то в самый последний момент моргал и... И всё!

Взрослые чокались и кричали:

– С Новым годом!

– Где? Где? – спрашивал Корюшкин.

– Всё! – смеялись в ответ взрослые. – Уже пришёл. На улице сейчас ходит!

Корюшкин тут же бросался к окну и буквально прилипал всей своей физиономией к холодному стеклу. Но там, за окном, на улице, стреляли ракетами, хлопали хлопушками, веселились; и кто из них был этот самый «Новый год» Корюшкин разглядеть не мог.

«Ну, уж в этот-то раз я его точно встречу!» – решил Корюшкин тридцать первого декабря ещё с утра.

«Встречу-встречу!» – твердил он себе за завтраком.

«Обязательно!» – говорил Корюшкин, наряжая ёлку.

«И пусть только попробует мимо пройти!» – чуть ли не грозился он уже под вечер.

А под вечер к Корюшкиным стали приходить гости.

Первыми, как всегда, появились бабушка и дедушка.

Бабушка расцеловала Корюшкина в обе щёки и вручила ему огромную сумку-авоську с мандаринами, апельсинами и яблоками.

Дедушка потрепал Корюшкина по макушке: мол, растёшь, внук! – и сам утащил на кухню другую большую сумку, в которой что-то позвякивало.

Затем гости посыпались как из мешка.

Пришли тётя Лена с дядей Борей, дядя Миша с тётей Ниной и близнецами Сашкой и Лёшкой – такими же, как и Корюшкин, семилетками. Пришли двое человек с новой папиной работы и двое со старой. Причём все с детьми! Появились гости с маминой работы, соседи...

Квартира наполнилась шумами: где-то что-то шуршало, где-то что-то брякало. А ещё звенело, булькало, хлопало и даже трещало.

Женщины на кухне готовили.

Мужчины расправляли в большой комнате стол и курсировали с различными вкусностями, приготовленными женщинами, из кухни к столу.

Ребята? Ребята играли в игрушки Корюшкина...

Минут без пятнадцати двенадцать все стали рассаживаться за накрытым столом. Корюшкин накинул на себя пальто, влез в валенки, натянул шапку и тихонечко выбрался из квартиры на лестничную площадку.

«Уже скоро! – думал он, бегом, через две ступеньки спускаясь к дверям подъезда. – Недолго осталось! Не пропущу!»

В подъезде возле дверей стояла тёплая батарея. На неё-то в ожидании «Нового года» и уселся Корюшкин.

Сердце его стучало так громко, что казалось, будто это кто-то огромный и тяжёлый ходит на улице возле дома и топает своими – такими же тяжёлыми и огромными – башмаками.

Корюшкин достал из кармана пальто предусмотрительно захваченный будильник и взглянул на стрелки.

«Без одной минуты!»

Будильник тикал громче сердца, и Корюшкин убрал его обратно. В карман.

Неожиданно, совсем неожиданно до слуха Корюшкина донёсся бой курантов.

«Наверное, кто-то телевизор на полный звук включил! – догадался Корюшкин и стал считать. Вслух:

– Раз, два, три...

На цифре двенадцать!

Дверь в подъезд... распахнулась!

И с улицы ворвался какой-то... человек.

Мужчина.

Высокий.

С чёрной бородой.

В руках у него была коробка с тортом и ещё какой-то пакет.

– Здравствуйте! – отчего-то даже закричал Корюшкин, вскакивая с батареи. – Вы – Новый год?

– Новый, новый, – подтвердил мужчина, нисколечко не удивившись. – Новее не бывает.

«Новый год» не стал задерживаться возле Корюшкина, а побежал куда-то наверх.

Корюшкин не спеша отправился следом. На свой четвёртый этаж.

На звонок в дверь ему открыла мама и удивилась:

– Корюшкин?

– Я «Новый год» встретил! – гордо сказал ей Корюшкин и показал большой палец правой руки. – Вот такой дядька этот «Новый год»!

И он прошёл в большую комнату.

К гостям.

И обомлел.

За столом среди гостей сидел... «Новый год».

– А вот и Корюшкин! – обрадовался папа. И, показывая на «Новый год», сказал: – А это – мой новый директор. Его зовут Николай Сергеевич.

«Так! – подумал про себя Корюшкин. – Опять проморгал! Обидно. Ну да ладно! В следующем году обязательно встречу!»

МЕСТЬ КОРЮШКИНА

Однажды Корюшкина поцеловали. В щёку. В левую. И ладно бы мама или бабушка, им только дай – зацелуют, заговорят: «Ах, Корюшкин! Ах, любимый! Ах, маковка!»

Но ни мама, ни бабушка в тот раз виноваты не были.

Всё произошло в школе. На переменке между математикой и русским языком.

Корюшкин был дежурным по классу, и ему предстояло

стереть со школьной доски всё, что Митька Ивченко на ней во время урока понаписал. А тряпка, которой стирали с доски, оказалась сухой.

И отправился Корюшкин к умывальникам, что возле школьной столовой стояли. Там ребята перед едой руки мыли, для баловства воду в «брызгалки» набирали, ну и тряпки, чтобы с досок мел стирать, смачивали.

Там-то, возле умывальников, всё и случилось.

Правда, сначала Корюшкин ничего не понял, просто услышал за спиной противное такое – девчоночье – «хи-хи-хи».

«Что у меня, спина, что ли, мелом испачкана?» – подумал он и оглянулся.

А оглянувшись, вздрогнул.

К нему.

Подходила.

Самая красивая девочка... из всех первых, вторых, третьих и даже четвёртых классов их школы!

Если же говорить языком официальным – ученица третьего «а» класса Лена Каретова.

А хихиканьем занимались её подружки.

«Так! – подумал Корюшкин. – Сейчас что-то произойдёт».

И произошло. И случилось!

Лена остановилась рядом с Корюшкиным и – чмок! – поцеловала его. В щёку. В левую. И убежала.

И все девчонки вслед за ней убежали тоже.

А Корюшкин остался. Застыл на месте, словно в камень его превратили.

И стоял бы он недвижим ещё очень и очень долго, если бы не десятиклассник Валера, который мимо проходил и Корюшкину крикнул:

– Эй, Корюшкин! На урок опоздаешь! Звонок ведь звенит!

И как только в тот день Корюшкин уроки до конца досидел? Всё у него перед глазами будто в тумане было: и учительница Людмила Анатольевна, которая Корюшкина о чём-то спрашивала, и ребята, что в бок толкали и записки посылали: мол, что ты да как? И дома тоже переволновались. Мама с папой даже врача хотели вызвать, таким задумчивым Корюшкин из школы пришёл.

А он размышлял: «Неужели в меня так влюбиться можно, что при всех поцеловать не стыдно?»

И всю ночь Корюшкин не спал, стихи сочинял и мечтал: «Вот приду завтра в школу – и сразу к Лене...»

Так он и сделал. И стихи ей прочитал, и про то, что она ему тоже очень-преочень нравится, сказал. А она...

Она только посмеялась.

– Ну и глуиый же ты, Корюшкин! Сразу видно, что ещё первоклассник! Я с девчонками на коробку конфет поспорила, что тебя поцелую. И всё!

Сказала Лена так и ушла.

А Корюшкина опять словно в камень превратили.

Ладно, Валера снова рядом проходил. Ему-то Корюшкин и поведал о своём несчастье – всю свою «любовную» трагедию передал как есть, ничегошеньки не приукрасил.

– Эх ты, Корюшкин! Горе ты луковое! – сказал в ответ Валера. – Вроде умный парень, а жалуешься. Да неужели ты ей всё так с рук спустишь, неужели всё просто так оставишь?

И придумал Корюшкин!

Только первый урок закончился и переменка началась, пришёл он в третий «а» класс, нашёл там Лену Каретову и сказал ей:

– В общем, так! Конфеты съела?

– Съела, – сказала Лена и даже плечами повела: мол, чего скрывать!

– Ну-ну, – покачал головой Корюшкин. – А ведь половина моя была.

– Как это? – удивилась Лена.

– Ну, представь! Если бы ты меня не поцеловала, выиграла бы спор? Нет! А так... Я пришёл, ты поцеловала – ты выиграла. Я полдела сделал, значит, половина выигранного моя!

– Мстишь! – догадалась Лена.

– Мстю! – согласился Корюшкин и гордо удалился в свой класс.

А на следующий день Лена принесла ему конфеты. И целую неделю дулась на Корюшкина.

А через неделю они подружились.

– Домстился! – вздыхал десятиклассник Валера, глядя как Корюшкин, провожая Лену после уроков домой, несёт её толстенький портфельчик жёлтого цвета.

НУ, КОРЮШКИН, СПАСИБО!

Однажды Корюшкин решил найти клад.

А почему бы и нет? Делать всё равно было нечего! Воскресенье. Родители ушли в гости по своим собственным совершенно взрослым делам.

Дома – никого! Даже бабушка с дедушкой по телефону не звонят. А на дворе зима.

«Не лучшее, конечно, время года клад искать, – думал Корюшкин. – Но чем-то же надо заняться!»

Вообще-то, где и как искать клад, Корюшкин знал абсолютно точно. В книжках вычитал.

Однако в книжках кладоискателям сначала попадалась

в руки пиратская карта, потом они обязательно садились на корабль, плыли по морю, находили остров, а уж там...

Корабля у Корюшкина не было. Да и моря в их городе не было тоже. Только река. Большая, широкая. И острова на ней вроде бы были... Но как же зимой по реке поплывёшь, когда всё подо льдом?

Рассудив подобным образом, Корюшкин решил, что шансов отыскать клад у него немного. Однако отступать он не привык и поэтому решил поискать клад во дворе собственного дома. Ну а вдруг повезёт?

Съев два с половиной бутерброда, запив их горячим чаем, Корюшкин тщательно оделся и, уже выходя из квартиры, прихватил с собой маленькую деревянную лопатку, оставшуюся у него ещё со времён детского сада.

На улице было холодно. Дул резкий ветер, сбивавший с больших сугробов их снежные макушки.

– Где же здесь может быть клад? – спросил Корюшкин сам себя.

Но ему, конечно же, никто не ответил. На улице никого не было.

И тогда Корюшкин решил копать клад прямо у подъезда...

Огромный сугроб, выбранный Корюшкиным, убывал медленно. Корюшкин даже вспотел, работая лопаткой.

– И р-раз, и д-два! – приговаривал он, отбрасывая снег из сугроба на другой, лежащий рядом. – И р-раз, и д-два!

И только Корюшкин хотел сказать: «Три!» – как его лопатка обо что-то стукнулась.

Звук был негромким, но неожиданно приятным.

– Клад! – вскрикнул, не удержавшись, Корюшкин.

– Клад? – спросил кто-то за его спиной.

И Корюшкин оглянулся.

А, оглянувшись, увидел Митьку Ивченко – друга, одноклассника и соседа по лестничной площадке.

– Клад? – спросил Митька ещё раз и шмыгнул носом: – Покажи!

– Сейчас! – тихо, шёпотом ответил Корюшкин и в два приёма откопал... Клад?

Это была машинка.

Игрушечная.

Полицейская.

Ну, знаете, такая – на батарейках. Когда её включаешь, она сама ездит и воет своей полицейской сиреной.

– Корюшкин! – восторженно выдохнул Митька Ивченко. И чуть не прослезился. Видимо, от радости. – Это же моя машинка! Я её вчера потерял! И маму спрашивал про неё, и папу, и даже сестру – Светку! Никто ничего не знает. А тут... – И Митька с чувством сказал: – Ну, Корюшкин, спасибо!

Не дожидаясь ответной реакции Корюшкина, Митька схватил машинку, щёлкнул рычажком, и та, будто и не была в сугробе, тут же затянула заунывное: «У-а-а, у-а-а!»

Под это «у-а-а» Митька и скрылся в подъезде. Умчался домой.

А Корюшкин остался. У подъезда.

«Вот тебе и на! – думал он. – Нашёл, называется, клад! Здравствуйте вам, пожалуйста! Митьке-то радость, а мне? Я что, зря полсугроба раскидал?»

И думал бы Корюшкин так и дальше, но тут из подъезда выскочила Светка. Митькина сестра.

Светка была старше своего брата на три года и училась в четвёртом классе.

– Ну, Корюшкин! – заговорила она сразу и быстро. – Ну, удружил! Я эту машинку вчера полдня закапывала!

Старалась! Из сил выбивалась! Мне эта машинная сигнализация вот уже где сидит! – тут Светка похлопала себя по затылку. – С утра до ночи Митька свою машинку гоняет. Она у него воет, воет... Никакой жизни от неё! Ни музыку послушать, ни книжку почитать. А ты, а ты... – Светка ненадолго замолчала, глядя, как Корюшкин хлопает на неё ресницами, а потом сказала: – Ну, Корюшкин, спасибо!

И вот ведь какое дело! Вроде бы те же самые слова, что и Митька, она произнесла и вроде бы тоже поблагодарила Корюшкина, но вот интонация... Какая-то совсем иная интонация у неё была. Сами догадайтесь какая.

А Корюшкин с тех пор решил:

– Клады я больше искать не буду!

И КОРЮШКИН УСНУЛ

Однажды Корюшкину стало скучно. Вот ни с того и ни с сего! Скучно, и всё!

Корюшкин и телевизор попытался посмотреть, и книжку почитать, и в машинки поиграть, и кота Кузьму подразнить – ничего не помогло!

Только папа с мамой ругать его стали.

– Корюшкин! – сказали они. – Имей совесть! Три часа ночи! Нам, между прочим, утром на работу, а тебе, между прочим, в школу! Спи!

И Корюшкин уснул.

Конечно, с родителями можно было бы и поспорить. Но не в три же часа, да тем более ночи.

ЗАКАЛИВАНИЕ

Однажды Корюшкин болел.

А болел Корюшкин гриппом.

Да даже уже и не болел, а добаливал, как говорили

бабушка с дедушкой. Или, как говорил папа, досиживал на справке.

«Завтра среда, – думал Корюшкин, попивая на кухне горячий чай с шиповником, – завтра к врачу, а послезавтра – в школу!»

По школе он уже соскучился.

Не верите?

Тогда сами попробуйте посидеть дома целых семь дней, меряя температуру и глотая таблетки!

Размышления Корюшкина прервал дверной звонок.

– Это я! – в ответ на вопрос Корюшкина «Кто там?» отозвались из-за двери голосом Митьки Ивченко.

И, естественно, это он и был – Митька: друг, одноклассник и сосед по лестничной площадке.

– Всё гриппуешь?

– Добаливаю.

– Закаливаться надо, – неожиданно очень серьёзно сказал Митька. – Причём постепенно, но начинать надо прямо с сегодняшнего дня.

Зайдя в квартиру Корюшкина, Митька разделся, прошёл на кухню, зачем-то открыл холодильник и по-хозяйски осмотрел его внутренности.

– Подойдёт.

– Что подойдёт? – не понял Корюшкин. – Куда подойдёт?

– Холодильник подойдёт, – пояснил Митька. – Для закаливания. Только продукты убрать надо будет. И полки.

– Ладно, – ещё ничего не понимая, согласился Корюшкин и вслед за другом принялся доставать из холодильника масло, колбасу, консервы, банки с соленьями, с малиновым и земляничным вареньем и прочую мелочь, так необходимую в холодильнике.

– Ну вот! – сказал Митька, когда была убрана последняя полка. – Теперь в самый раз. Залезай!

– Куда? – удивился Корюшкин.

– Вот глупый! – рассердился Митька. – Да в холодильник же! Я всё рассчитал. В холодильнике температура – ноль градусов. Закаливание начинаешь с пяти минут в холодильнике. Каждый день добавляешь по минутке, по две. За месяц доводишь до получаса. Потом можно делать минусовую температуру. А потом ни один микроб не страшен, потому что закалишься – о-го-го!

– Слушай, а, может, вместе? – почему-то замялся Корюшкин.

– Хорошо! – согласился Митька и первым залез в холодильник.

За другом, скрипя душой, забрался и Корюшкин.

К счастью для всех через четыре минуты домой пришла мама Корюшкина.

Естественно, она очень удивилась, что все продукты из холодильника находятся не в нём, а снаружи.

И ещё мама даже очень перепугалась, когда услышала голоса, доносящиеся оттуда, где должны были бы быть продукты.

Но хуже всего оказалось то, что, когда мама открыла холодильник, она рассердилась...

В общем, досталось всем. Митьке – словами, Корюшкину – шлепками.

Однако самое интересное случилось на другой день, когда Корюшкина «списывали со справки».

– Закаляться надо, – сказала Корюшкину врач – Антонина Павловна.

– Пробовал уже, – ответил ей Корюшкин.

– Ну и как? – поинтересовалась Антонина Павловна.

– Не очень, – вздохнул Корюшкин и потёр себе то место, которому больше всего досталось от мамы. – Сидеть после этого закаливания... больно!

ЦИРК

Однажды Корюшкин решил стать дрессировщиком.

Когда-то и от кого-то из взрослых он услышал, что готовятся к этому делу с самого детства. Услышал такое Корюшкин, забыл – и вдруг вспомнил. И решил стать дрессировщиком.

Учёная собака у Корюшкина уже была – пёс Тимка! Маленький, чёрный, кудрявый, он мог прыгать через обруч, ходить на задних лапах, служить и даже петь под дудочку – всему этому Корюшкин свою собаку ещё в шесть своих лет научил.

Был у Корюшкина и номер с птицами. Точнее, с птицей. С попугаем Иннокентием Петровичем. С ним ещё родители Корюшкина заниматься стали, потому что попугай появился в доме Корюшкиных, когда Корюшкин появился на свет. И Иннокентий Петрович учился говорить вместе с Корюшкиным.

А ещё Корюшкин придумал экзотический номер. С хомячком Тимоном.

Папа Корюшкина сделал специальный такой барабанчик, в котором Тимон мог бегать. А Корюшкин сделал для хомячка специальный флаг – палку-шест и палочку-перекладину, на которую прицепил тряпочку с нарисованной на ней буковкой «Т» и ниточку от перекладины через хитроумное устройство провёл. Если за ниточку потянуть, флаг сам собой поднимался! Правда, на ниточку Корюшкин маленький сухарик прикреплял, а то иначе Тимон дёргать её не хотел.

В общем, и звери у Корюшкина имелись, и номера для представления, – хоть свой цирк открывай! – только вот хотелось Корюшкину ещё и настоящим дрессировщиком стать.

Но хищных зверей у него не было. А хотелось тигра! Однако из семейства кошачьих дома был только кот Кузьма – совершенно белого цвета, добрый и нестрашный, но злой, если рассердить. И ещё были дома краски: оранжевая и чёрная – акварель...

– Папа! – сказал Корюшкин в пятницу вечером. – Можно завтра в двенадцать часов я в большой комнате цирк устрою? Вход бесплатный. Вы с мамой и бабушка с дедушкой – почётные гости!

– Можно, – разрешил папа.

После работы папа был очень уставшим и, видимо, поэтому соглашался со всеми; даже маме согласился помочь после ужина посуду помыть.

А назавтра была суббота. Выходной.

Корюшкин с утра позвонил бабушке с дедушкой, пригласил их на выступление, к соседям сбегал, и в двенадцать часов у Корюшкиных получился аншлаг.

Аншлаг – это когда все-все зрительские места заняты: и стулья, и табуретки, и большой диван.

– Впервые на манеже! – громко произнёс Корюшкин, выходя к зрителям. За его спиной, накрытые покрывалами, стояли две клетки, коробка из-под телевизора и пёс Тимка. – Дрессированные звери и хищники под руководством... – Тут Корюшкин немного замялся, но всё-таки сказал правду: – Под руководством начинающего дрессировщика Михаила Корюшкина!

Все захлопали, и Корюшкин понял, что всё идёт как надо!

Первым номером был, естественно, номер с собакой.

– Ап! – скомандовал Корюшкин, и перед благодарной публикой предстал Тимка, одетый в старую футболку Корюшкина, такие же шорты и пинетки, сохранившиеся в доме неизвестно каким чудом.

Конечно же, Тимка прыгал через обруч, ходил на задних лапах, служил и пел под дудочку.

Вторым номером стал Иннокентий Петрович.

– Ап! – скомандовал Корюшкин и сдёрнул покрывало с клетки с попугаем.

– Пр-ривет! – громко поприветствовал всех Иннокентий Петрович и закрутил головой со словами: – А покушать? А бедную птичку покормить?

Зрители смеялись от всей души!

Смеялся и Корюшкин, и досмеялся он до того, что совсем позабыл прикрепить на ниточку сухарик для номера хомячка Тимона.

Однако всем на удивление Тимон и в барабанчике побегал, и без всякого сухарика за ниточку дёрнул.

– Браво! – закричал папа.

– Бис! – захлопала в ладоши и застучала ногами по полу публика.

– Смер-ртельный номер-р! – объявил Корюшкин. – Др-ресир-рованный тигр-р!

– Ой! – ойкнула бабушка и даже попыталась с ногами забраться в персональное кресло. – Опять из зоопарка сбежал?

Не обращая внимания на лёгкую панику, Корюшкин произнёс своё коронное «Ап!», скинул с коробки из-под телевизора последнее покрывало, поднял коробку...

– Ой! – сказали все хором.

– Ап! – ещё раз, но уже грозно произнёс Корюшкин.

– М-мяу-у! – завопил оранжевый в чёрную полоску Кузьма и забился под диван.

Достать его оттуда смогли лишь после того, как гости, поблагодарив Корюшкина за представление, разошлись по своим делам и квартирам.

– Не получилось! – вздыхал весь вечер Корюшкин.

– Да-а! – непонятно с какой интонацией говорил папа.

– Ну-ну, – качала головой мама.

– М-мяуфр-р! – то ли мяукал, то ли рычал сырой после отмывания Кузьма.

А в понедельник утром в школе во время первой перемены к Корюшкину подошла Людмила Анатольевна и сказала:

– Корюшкин, не мог бы ты своё цирковое представление и в школе показать? Мы тебе поможем и арену устроить, и зверей принести.

– Хорошо! – согласился Корюшкин, думая о том, как же Людмила Анатольевна узнала про цирк.

А Людмила Анатольевна, улыбаясь, добавила:

– Только без тигров, ладно?

КАК КОРЮШКИН В ГОСТИ ХОДИЛ И ЧТО ИЗ ЭТОГО ВЫШЛО

Однажды Корюшкин ходил в гости.

А в гости он ходил просто так. Без цели.

Сначала Корюшкин зашёл в гости к соседу и однокласснику Митьке Ивченко. Но тот не знал, что Корюшкин собрался к нему в гости, и поэтому ещё раньше Корюшкина ушёл в свои гости.

В общем, Митьки дома не оказалось.

Тогда Корюшкин отправился в гости к десятикласснику Валере.

Валера жил через три дома от Корюшкиных и оказался на месте. Он даже сам открыл дверь на звонок Корюшкина – печальный и сонный.

– Спишь? – спросил Корюшкин.

– Болею, – хрипло отозвался Валера. – Простыл. Вчера вечером температура поднялась. А сегодня врача вызывали.

Сказал Валера так, и Корюшкин понял, что сегодня зайти в гости к Валере ему не удастся.

И пошёл Корюшкин к Лене Каретовой.

– Корюшкин! – закричала она радостно. – Только тебя мне сегодня и не хватало!

– В смысле? – не понял Корюшкин.

– Через пять-десять минут ко мне девчонки придут. Они и в школе-то меня из-за тебя дразнят, а уж дома, если увидят... Такое начнётся!

– Чего ж ты тогда такая радостная? – удивился Корюшкин.

– Так ведь я всё равно тебе рада! – ответила Лена. А потом, немного помявшись, она сказала: – Но ведь ты же джентльмен!

– Джентльмен! – согласился Корюшкин и отправился в следующие гости.

К бабушке и дедушке.

– Корюшкин? Не может быть! – сперва удивились они. А потом обрадовались: – Как ты вовремя! Надо сходить в магазин за хлебом, выбить ковёр и помочь переставить мебель в гостиной.

– Я же в гости пришёл! – попробовал возмутиться Корюшкин.

– Ничего-ничего, – сказала бабушка. – Помогать старшим – не грех!

– Точно-точно, – подтвердил дедушка. – Не грех...

И Корюшкин сходил в магазин – купил батон и булочки. Потом выбил из ковра пыль и вместе с дедушкой передвинул шкаф, сервант и тумбочку с телевизором.

А потом все вместе: бабушка, дедушка и Корюшкин – попили чай с вареньем, и Корюшкин отправился домой...

Возле подъезда его дома стоял мальчишка. На вид года на два постарше Корюшкина. Или на три.

– Привет! – сказал он Корюшкину.

– Привет! – поздоровался Корюшкин.

– А я в гости ходил, – сказал мальчишка.

– Я тоже, – признался Корюшкин и почему-то вздохнул.

– У меня не получилось, – тоже почему-то вздохнул мальчишка.

– И у меня, – снова вздохнул Корюшкин.

И вдруг они оба вместе.

Враз!

Корюшкин и мальчишка!

Сказали:

– А пошли ко мне!..

Так Корюшкин познакомился с Шуриком. Хотя о нём – в другой раз.

А вообще, правда, хорошо, когда есть к кому сходить в гости? Особенно, если вас там ждут!

РЫЦАРЬ

Однажды Корюшкин решил кого-нибудь спасти.

Вот пришла к нему в голову такая мысль, и всё!

Хотя нет! Подождите!

Сначала к Корюшкину пришёл Шурик.

Шурик был третьеклассником, учился в соседней школе и с Корюшкиным дружил «очень недавно».

– Послушай, Корюшкин, – сказал Шурик. – Я тут такую книжку на днях прочитал! Название не помню, но там рыцари подвиги всякие совершали, спасали кого ни попадя. А их за это все любили, осыпали почестями и ещё чем-то.

– Ну, и? – не понял Корюшкин.

– Рыцарем сейчас, конечно, стать невозможно, – вздохнул Шурик. – Но представляешь: помочь кому-нибудь, спасти кого-нибудь... И не за орден, а просто так! Чтобы просто хвалили, чтобы просто любили, чтобы просто в газете про нас напечатали...

– Хорошо! – перебил Шурика Корюшкин. – Кого спасать будем?

Вот такая Корюшкину мысль пришла.

– Не знаю, – пожал плечами Шурик. – Пойдём на улице поглядим.

И они пошли на улицу: сначала из квартиры, потом по лестнице – и оказались на улице. У подъезда. Там, где по вечерам на скамейке все бабушки из дома Корюшкина собирались и о том-сём разговаривали.

Впрочем, был не вечер, а ясный день.

Бабушек на скамейке не было, да и саму скамейку – Корюшкин даже вздрогнул, когда увидел такое! – уносили в неизвестном направлении трое неизвестных парней.

Шурик тоже знал про бабушек из Корюшкиного дома и поэтому тоже вздрогнул. А потом они вместе – Шурик и Корюшкин – в голос закричали:

– Куда? Стойте!

И парни остановились. Они были большими, с огромными кулачищами.

– Вам, мелюзга, что, – спросили они, – жить расхотелось?

– Оставьте скамейку! – грозно, насколько смог, произнёс Корюшкин.

– Она для бабушек! – поддакнул другу Шурик.

– Перебьются! – ответили парни и попытались уйти со скамейкой ещё дальше.

Но ни Корюшкин, ни Шурик сдаваться не собирались.

– Корюшкин! – закричал другу Шурик. – Беги за собакой!

– Шурик! – закричал Корюшкин. – Беги к дяде Боре, он чемпионом города по боксу был!

И ребята рванули в подъезд. Заскочили в дом. Ровно на одну минутку. Переждать, а вдруг сработает?

Что сработает? А то!

Хоть пёс Тимка, что у Корюшкиных жил, и мог хозяев своих, когда надо, защитить, но напугать кого-нибудь своим ростиком, хвостиком и писклявым лаем ни за что бы не смог.

А про дядю Борю и говорить нечего! Правда, чемпионом города он действительно когда-то был, но ведь не по боксу – по шахматам.

И всё же ребячья хитрость сработала!

Когда Корюшкин с Шуриком выглянули из подъезда, парней на улице уже не было. Зато скамейка никуда не исчезла. Как оттащили её парни метров на двадцать от дома, так и бросили.

Пришлось ребятам самим скамейку на место возвращать. А потом ещё и бабушкам, которые совершенно случайно раньше обычного погулять вышли, рассказывать, что же здесь произошло...

Вечером к Корюшкиным зашла Евфросиния Фёдоровна – бабушка, живущая этажом ниже Корюшкиных.

– Ну, – сказала она родителям Корюшкина, – хорошего

сына воспитали – рыцаря. Просто подвиг совершил! Скамеечку нашу спас...

Так Корюшкин стал рыцарем.

Все его так называли: и папа, и мама, и бабушка, и дедушка, и соседи. Целый месяц! А почему – месяц? А потому что через месяц с Корюшкиным другая история произошла.

КАК КОРЮШКИНА ЗАПУТАЛИ

Однажды с Корюшкиным приключилась ну уж вовсе странная история!

А началось всё после уроков.

Как обычно, Корюшкин зашёл в третий «а» класс за Леной Каретовой, помог ей курточку одеть, взял её портфельчик – и отправились они из школы домой.

Шли они по улице, снег весенний – чёрный – топтали, и вдруг Лена спросила:

– Корюшкин, скажи мне, только честно, кого ты любишь?

– Маму, – тут же, не задумываясь, ответил Корюшкин. – Папу ещё люблю, бабушку тоже и дедушку. Родственников всех люблю. Друзей. Тебя.

– А кого сильнее? – поинтересовалась Лена. И немножко возмутилась: – И почему я у тебя на последнем месте?

– То есть? – не понял Корюшкин.

– Ну, ты же меня последней по очереди назвал!

– Хорошо, – сказал Корюшкин. – Я люблю тебя, друзей, родственников, дедушку, бабушку, папу, маму. – Тут Корюшкин затылок себе почесал и добавил: – А ещё я люблю кота Кузьму, пса Тимку, попугая Иннокентия Петровича и хомячка Тимона.

– Так-так-так! – тут же рассердилась Лена. – Значит,

меня в один ряд с животными можно поставить? Значит, я тебе, как все?

– Ну, почему? – пожал плечами Корюшкин. – Не как все. Но люблю-то я всех! И маму, и папу, и бабушку, и дедушку...

– Дальше можешь не продолжать! – перебила Корюшкина Лена. – Дальше я слышала – про родственников и про животных. Но ведь кого-то ты любишь сильнее!

– Маму я люблю за то, что она – мама. Папу за то, что он – папа, – начал Корюшкин.

Но Лена и тут его перебила:

– Кузьму, значит, любишь за то, что он – Кузьма, а меня за то, что я – это я?

– Наверное, – растерялся Корюшкин.

– А мог бы сказать, что меня хоть на чуть-чуть, хоть на самую капелюшечку больше других любишь! И вообще, я с тобой не дружу!

И Лена забрала свой портфель у Корюшкина и ушла.

И Корюшкин ушёл – домой.

«Ну, девчонка ведь! – думал Корюшкин уже дома, вечером, после ужина. – Что с неё возьмёшь?»

Но хотя Корюшкин и думал так вечером, на другой день, утром, проснувшись, он обнаружил в своей голове такую мысль: «Интересно, кого же я на самом деле люблю сильнее?»

Вот ведь как Корюшкина запутали!

СУДЬБА

Однажды Корюшкин учил уроки. Дома. За письменным столом.

На дворе был вечер, и потому на столе горела настольная лампа.

Под лампой широко и важно лежал кот Кузьма. Он периодически открывал и закрывал то один, то другой глаз, и одной из своих лап пытался перевернуть странички в учебнике Корюшкина.

Корюшкин периодически отодвигал Кузьму от книги, и кот тут же подбирал и лапы и хвост, но только лишь для того, чтобы через минуту снова расплыться по столу и приняться за своё.

В общем, Корюшкин собирался заняться Кузьмой уже всерьёз, но в этот момент раздался звонок. В дверь.

И оказалось, что это пришла Лена Каретова.

– Здравствуйте! – поздоровалась она с родителями Корюшкина. – Я к Корюшкину. На пять минут.

И она прошла в комнату Корюшкина. Потому что сам Корюшкин и не думал выходить к Лене: они уже неделю «не в дружбе были».

– Корюшкин, – сказала Лена. – Я уезжаю.

– На здоровье! – ответил Корюшкин нарочно грубовато.

– Ты не понял! – замотала головой Лена. – Я надолго уезжаю. Может быть, навсегда. В другой город.

– Зачем? – искренне удивился Корюшкин, моментально позабыв о том, что они с Леной «не в дружбе». – А как же я? Ты? Мы? И, вообще, школа?

– Папу по работе переводят, – стала объяснять Лена. – И в школу я буду ходить в другую. А уезжаем мы уже завтра. Срочно надо. У взрослых всегда всё срочно, – вздохнула она. – А я ведь даже к девчонкам не побежала. Сразу к тебе.

– Спасибо, – тоже вздохнул Корюшкин. И стал вдруг «философствовать»: – Вот уедешь ты. А вернёшься назад не скоро. То есть вернёшься, конечно, уже большой и взрослой... тётей.

– Да, – согласилась Лена. И улыбнулась: – А ты останешься таким же маленьким и глупым.

– Почему – глупым? – удивился Корюшкин.

– Неважно, – сказала Лена и ушла, сердечно попрощавшись со всеми.

Сам Корюшкин долго вздыхал у вечернего окна.

– Ты что, сынок? – спросил его папа.

– Уезжает она, – ответил Корюшкин. – В другой город.

– Это – судьба, – сказал папа.

– Это не судьба, – возразил Корюшкин. – Это – несчастье...

На другой день в школе Корюшкин увидел Лену Каретову. Как ни в чём не бывало, она играла с девчонками.

– Ты же уехала! – удивился Корюшкин.

– Нет, – сказала Лена. – Мама подумала и... передумала. Решила, что папа должен ехать один, а мы должны остаться.

– Вот это – счастье! – восторженно прошептал Корюшкин.

– Это – не счастье, – возразила Лена. – Это – судьба!

КАК КОРЮШКИН ОБИДЕЛСЯ

Однажды Корюшкин и десятиклассник Валера спасли школу от пожара.

А началось всё в кабинете химии, куда Корюшкин заглянул совершенно случайно. Но...

Заглянул-то он туда случайно, а вот зашёл – очень даже целенаправленно.

Почему?

Да потому что увидел в кабинете Валеру.

– Тс-с, – попросил Валера, когда заметил Корюшкина.

– Хорошо, я тихо, – согласился Корюшкин и на

цыпочках подошёл к Валере. – Ты чего тут делаешь?

– Опыт произвожу, – ответил Валера. – Смешиваю... – тут он произнёс нечто очень непонятное для Корюшкина, что, как оказалось впоследствии, было учёными словами – формулами.

Однако перед «впоследствиями» были ещё и последствия.

Когда Валера налил в одну большую стеклянную колбу какую-то жидкость из другой стеклянной баночки, насыпал непонятный порошок из чего-то фаянсового и бросил в колбу что-то, напоминающее пластилин, то из колбы вдруг ка-ак рвануло!

Пламя из колбы вырвалось – до самого потолка!

Искры из колбы посыпались – во все стороны!

И тетрадки Валерины, что на парте лежали, загорелись, и учебники, и сама парта огнём занялась, и даже пол...

Испугался тут Корюшкин, и Валера – тоже. Но тут же оба они сообразили, что надо делать.

Бросился Валера за огнетушителем, а Корюшкин за тряпку схватился, которой пол в классе мыли, – и давай пламя тряпкой сбивать!

В общем, потушили пожар.

Одна беда – наказали потом и Валеру, и Корюшкину досталось: и в дневниках им выговоры-наставления записали, и родителей к директору вызывали.

А уж родители...

А Корюшкин обиделся.

На что?

Так ведь они же с Валерой ПОЖАР потушили, школу от огня спасли!

А их за это наказали.

Вот такая у Корюшкина обида была. Правда, до тех пор

только была, пока папа Корюшкину в чём дело не объяснил. После ремня и хорошего-хорошего наставления.

Пришлось потом Корюшкину обратно «разобижаться».

И ВСЕ ЗАХЛОПАЛИ

Однажды Корюшкин решил подарить маме цветы. Потому что у мамы должно было случиться два важных события: день рождения и праздник 8 Марта. Причём сразу.

Так уж вышло, что мама Корюшкина родилась в праздник.

«Но это даже и ничего, – говорил папа Корюшкина. – И для меня не так хлопотно, и для семейного бюджета экономия».

Что такое экономия, Корюшкин знал. Он начиная с февраля месяца деньги на цветы копил. Всё, что у него от школьных завтраков оставалось и от мороженого, на которое ему тоже деньги давали, Корюшкин в копилку складывал...

В самом начале марта месяца в школе к Корюшкину подошла Лена Каретова и, красиво хлопая ресничками, скромно спросила:

– Корюшкин, ты мне на Восьмое марта подарок сделаешь?

– Да! – по-джентльменски кратко ответил Корюшкин.

– Цветы? – восторженно выдохнула Лена.

– Да! – твёрдо сказал Корюшкин.

А на другой день, когда у Корюшкиных гостили дедушка с бабушкой, бабушка тоже спросила у Корюшкина:

– Ну что, внучек, ты мне к женскому дню подарок уже приготовил?

– Да, – согласился Корюшкин, хотя на самом деле про бабушку-то он как раз и позабыл. Почему-то.

– Наверное, цветы? – предположила бабушка.

– Да! – твёрдо сказал Корюшкин.

– Наверное, очень красивые? – улыбнулась своей мечте бабушка.

– Да! – кивнул головой Корюшкин...

Седьмого марта Корюшкин открыл копилку. И оказалось, что денег у него там не так уж и много. Только на один цветок – только на одну розу.

Долго думал Корюшкин, как ему выйти из такой ситуации: поздравить нужно троих, а денег – на один цветок.

Занимать недостающие деньги у папы или у дедушки не хотелось.

Сэкономить на чём-то ещё не представлялось возможности.

Думал Корюшкин, думал и наконец придумал!

Восьмого марта у Корюшкиных собрались гости. И бабушка пришла, и Лена...

Когда до Корюшкина дошла очередь поздравлять, он сбегал в свою комнату и вынес на всеобщее обозрение огромную алую розу.

– Ах! – восторженно ахнула мама.

– Ох! – удивлённо охнула бабушка.

– Ой! – совершенно по-девчоночьи ойкнула Лена.

– Да! – сказал Корюшкин. – Я вас всех поздравляю! С днём рождения и с Восьмым марта! Маму поздравляю, бабушку и тебя, Лена!

– А... – сказала мама.

– Кому... – спросила бабушка.

– Цветок? – закончила Лена.

– Вам! – сказал Корюшкин. – Всем сразу! – И вздохнул. – Просто у меня денег не хватило. Так что пусть он у каждой из вас по очереди будет. Сначала у мамы, потом

у бабушки, потом у тебя, Лена.

И тут в празднике возникла пауза. Все замолчали.

И только папа сразу же сообразил, что ему делать. Он быстренько взял большую – трёхлитровую! – банку с вишнёвым компотом, разлил компот в красивые фужеры на тонких ножках, раздал всем фужеры и сказал тост:

– Ну, за находчивость!

И все захлопали.

ЭХ, ДЕВЧОНКИ!

Однажды Корюшкина приревновали.

А началось всё так.

Шёл урок математики, когда в дверь класса, где Корюшкин учился, постучали.

– Войдите! – разрешила учительница Людмила Анатольевна.

Но в класс никто не вошёл. Просто дверь тихонечко приоткрылась, и чей-то очень серьёзный голос произнёс:

– Извините! Корюшкина можно?

– Зачем? – удивилась Людмила Анатольевна. – Урок ведь идёт!

– Очень срочно! – говоривший произнёс это так жалостливо, что Людмила Анатольевна разрешила.

– Хорошо, – согласилась она и, обращаясь уже к Корюшкину, сказала: – Корюшкин, тебя вызывают. Иди, но только ненадолго. На пять минут. Через пять минут я начну новую тему! Очень важную! Ты меня понял?

Корюшкин согласно кивнул головой, выбрался из-за парты и вышел из класса. И удивился.

В коридоре его поджидал пятиклассник Ромка Лёвкин.

– Ну! – сказал Ромка грозно, когда увидел Корюшкина. – Ты... Это... За Ленкой ходишь?!

– В каком смысле? – не сразу догадался Корюшкин, в чём тут дело.

– Короче! – чуть ли не зарычал Ромка. – Не валяй дурака! Ещё раз рядом с Ленкой увижу и... – и тут он показал Корюшкину кулак – большой, в коростах и ссадинах. – В общем, пеняй на себя! Понял?

– В принципе, да, – согласился Корюшкин. – А... Почему мне нельзя быть рядом с Леной?

– А потому что она – моя!

– И кто это так решил? – ехидно удивился Корюшкин.

– Я! – гордо ответил Ромка.

– Почему?

– Потому что старше, сильнее и умнее!

– Не может быть! – воскликнул Корюшкин и едва увернулся от грозного Ромкиного кулака.

– Издеваешься?! – чуть ли не прорычал Лёвкин. – Вот я тебе сейчас задам!

И ребята чуть не подрались.

Впрочем, за грудки они схватиться успели, да так, что даже ткань на пиджаках затрещала, но тут – откуда ни возьмись! – появилась сама виновница всего происходящего. Лена Каретова.

– Это вы из-за меня? – строго спросила она.

– Да! – решительно ответил Ромка.

– Увы! – вздохнул Корюшкин.

– Ну и зря! – сказала Лена. – Вы мне оба нужны.

– Но я – больше! – вставил своё веское слово Ромка, на что Корюшкин смолчал, потому что почти догадался о том, что произойдёт дальше.

А дальше произошло вот что.

– Знаете, – сказала Лена, немного помолчав. – Я думаю, что на сегодняшний день я только мамина и папина. А вы

просто мои друзья. Подрастёте немного, тогда и выясняйте отношения.

И Лена ушла, потому что и так с урока отпросилась. Из-за мальчишек. Ей девчонки рассказали, что Ромка с Корюшкиным будет отношения выяснять.

Лена ушла, а ребята остались. С минуту они молчали.

Потом Корюшкин заговорил:

– Ну вот, мы и остались вдвоём. Будем драться или что-нибудь другое?

– Другое, – сказал Ромка.

Он хотел сказать что-то ещё, но в этот момент из класса выглянула Людмила Анатольевна.

– Ну, что тут у вас? – спросила она строго.

И Ромка сказал.

И как сказал!

А сказал он так:

– У нас здесь святое мужское чувство! Называется – дружба!

Так у Корюшкина на одного друга стало больше.

Впрочем, уходя, Ромка предупредил:

– Но когда подрастём, поговорим...

Ну а всё остальное произошло на перемене. Корюшкин даже из класса выйти не успел, как появилась Лена.

– О?! – удивился Корюшкин.

– Понимаешь, – сказала Лена, – что бы там я ни говорила, но ты мне как-то ближе.

– А как же святое чувство? – удивился Корюшкин. – Дружба! Мы же с Ромкой подружились!

– Ну и дружите на здоровье! – обрадовалась Лена. – Но всё равно ты мне больше нужен. – И тут, оглядевшись по сторонам, Лена добавила. Шёпотом: – Только Ромке об этом не говори. Ладно?

– Эх, девчонки! – только и смог вздохнуть на это Корюшкин.

ХОРОШО СПРЯТАЛСЯ

Однажды Корюшкин решил поиграть.

А поиграть он решил в прятки. И, разумеется, не дома, в квартире, а на улице. Ведь там, на улице, места, где можно хорошо спрятаться, больше.

Корюшкин позвал всех своих друзей: Митьку Ивченко, его сестру Свету, Лену Каретову, десятиклассника Валеру и, поскольку был выходной день, папу.

Кстати, папа самым первым согласился поиграть в прятки. А дольше всех пришлось уговаривать Валеру; то у него программа какая-то интересная по телевизору идёт, то он к друзьям собрался... Но в конце концов уговорили и Валеру.

Корюшкин стал водить. Встал во дворе возле качелей, глаза руками закрыл, предупредил, что считать будет до тринадцати, и начал считать:

– Раз, два, три...

Все кинулись в-р-а-с-с-ы-п-н-у-ю!

– Тринадцать! – сказал Корюшкин. – Иду искать! – И ещё он добавил очень традиционное: – Кто не спрятался, я не виноват!

Первым Корюшкин нашёл Митьку. Тот сидел под теннисным столом, прикрыв голову руками.

– Знаешь, – признался он Корюшкину, – мне Валера сказал, если голову руками закрыть, то тебя никто не увидит.

– Надо же! – удивился Корюшкин словам друга. – Большой, а таким глупостям веришь! И Валера – тоже хорош, ерунду говорит. Вот его-то мы сейчас следующего и найдём!

Но следующим, а точнее, следующей оказалась Лена Каретова. Она так громко чихнула от весеннего солнышка, что Корюшкин с Митькой сразу догадались, что Лена Каретова спряталась за грузовой машиной, в которой привезли новый холодильник для жильцов из сорок первой квартиры.

Митькина сестра Света успела убежать за дом. Кстати, как и десятиклассник Валера. Только Света спряталась за одним углом дома, а Валера – за другим.

В общем, Корюшкин нашёл всех кроме... папы.

На поиски папы ребята отправились все вместе, ведь всем стало интересно: каким таким образом и где самый большой человек из их компании смог спрятаться в таком ма-аленьком дворе.

Папу искали за деревьями.

Безрезультатно!

Думали, что папа спрятался в грузовую машину, на которой привезли новый холодильник для жильцов из сорок первой квартиры.

Не тут-то было!

Кто-то предположил, что папа спрятался в песочнице, и на это рассмеялись все, но песочницу всё-таки проверили – а вдруг!

Папы в песочнице не было.

Папы не было за домом.

Папы не было в подъездах.

Папы не было... нигде!

Папу искали целый час. Потом Валера предложил Корюшкину сдаться.

Корюшкин подумал и согласился и кричал об этом минут десять. На весь двор и даже на всю улицу.

Папа не появился.

Корюшкин не знал, что делать. Тогда Валера, как самый старший и умный из компании, сказал:

– Надо пойти к Корюшкину домой и сообщить маме Корюшкина, что папа Корюшкина пропал.

– Он не пропал, – попытался возражать Корюшкин. – Он просто очень хорошо спрятался.

– Он не спрятался, а пропал! – строго произнёс Валера и назидательно покачал перед носом Корюшкина указательным пальцем правой руки. – И пожалуйста, не спорь со старшими!

К маме Корюшкина отправились так: впереди Корюшкин, за ним Валера, следом Митька, Лена и Света.

– Что за делегация? – удивилась мама Корюшкина, открыв дверь.

– Папа... – сказал Корюшкин.

– Пропал... – сказал Валера.

– Найти не можем! – хором добавили остальные.

– Как пропал? – изумилась мама. – Он дома, на диване лежит, спит.

– Честное слово, – оправдывался потом перед ребятами папа, – вдруг очень-очень спать захотелось. Видимо, устал за рабочую неделю.

– А мы думали – пропал! – разводил руками Валера.

– А я сразу говорил, – говорил Корюшкин. – Хорошо спрятался!

ИЗ РЯДА ВОН

Однажды Корюшкин познакомился с говорящей собакой.

А дело было так.

«Гулял Корюшкин вечером во дворе: на качелях качался, на большое дерево залезал – до середины – да вниз прыгал...

И вдруг подходит к нему собака незнакомой породы, о какой взрослые люди говорят: беспородная, дворняга, – и... говорит.

Кто говорит? Разумеется, эта самая дворняга.

– Здр-равствуйте! – говорит, очень красиво букву «Р» выговаривая.

Тут Корюшкин и сел. Прямо в песочницу, возле которой стоял.

И представьте себя на его месте!

Тоже, наверное, сели бы!

А собака продолжает:

– Простите, пожалуйста! Я надеюсь, вас не затруднит ответить на мой вопрос?

«Надо же! – подумал Корюшкин. – Какая «вежливо воспитанная» собака!»

И это была первая мысль Корюшкина. Вторая у него застряла в неизвестном месте, не долетев до головы, потому что собака в третий раз открыла свою, простите, пасть.

– Не подскажете ли вы, – спросила собака, – который сейчас час?

– Пять минут восьмого, – ответил Корюшкин. И уточнил: – Вечера. – И уточнил ещё раз. – То есть девятнадцать ноль пять.

– Огромное вам спасибо, дорогой др-руг! – прижав лапу к сердцу просто-таки «глубоко признательным» тоном произнесла собака и медленно удалилась. Повиливая хвостом. За угол соседнего дома.

– Не многие люди смогли бы так сделать! – произнёс Корюшкин и огляделся.

Во дворе было пусто.

Ни-ко-го!

Ни ду-ши!

«Значит, мне никто не поверит!» – вздохнул Корюшкин и даже развёл руками.

Над ним, по небу, проплывали белые лёгкие облака. На деревьях шумела первая весенняя листва. Под Корюшкиным была земля, по которой ходила настоящая говорящая собака, но самой её уже не было рядом. А жаль...»

Через два дня, когда учительница Людмила Анатольевна выставляла оценки за домашнее сочинение на свободную тему, про работу Корюшкина она сказала так:

– Конечно, я ожидала, что сочинение Корюшкина будет каким-то образом связано с животным миром, но чтобы так... Это... это что-то из ряда вон!

КАК КОРЮШКИН ПИСАТЕЛЕМ НЕ СТАЛ

Однажды Корюшкин решил стать писателем.

Решение такое пришло к нему после того, как в их школе, в их классе, самый настоящий писатель побывал.

Людмила Анатольевна, учительница, так и представила ребятам этого невысокого и не старого ещё дядечку в очках:

– Ребята, сегодня к нам в гости пришёл самый настоящий живой писатель!

И все захлопали.

А Корюшкин подумал: «Интересно, а как же к нам неживой писатель мог бы прийти?»

Однако сказки, стихи и загадки, которые Корюшкин в тот день услышал, так Корюшкину понравились и ребята так громко и долго хлопали писателю, что Корюшкин решил: «Всё! Стану писателем!»

Но как становятся этими самыми творческими людьми, Корюшкин не знал. А спросить об этом у самого писателя во время встречи постеснялся. Так и вернулся домой глу-

боко задумавшимся. Да так глубоко, что даже шишку на лбу набил – мимо двери в стену попал.

Самое обидное, что ни папы, ни мамы в тот день дома не оказалось: по срочным взрослым делам к родственникам уезжали. Так что спросить родителей, как же писателем стать, Корюшкин не смог.

Тогда он позвонил по телефону бабушке и дедушке. Раз позвонил, два позвонил, три...

А трубку брать на том конце провода никто не собирался: ну, не было бабушки с дедушкой дома!

Тогда Корюшкин вспомнил про Лену Каретову: пусть хоть и не совсем взрослый человек, но всё равно постарше Корюшкина!

Лена, к счастью, дома оказалась. И очень внимательно Корюшкина выслушала. И сказала ему:

– Знаешь, Корюшкин, я, конечно, старше тебя. И знаю, наверное, побольше твоего. Но вот как писателем стать – честное слово, не знаю! Ты лучше возьми книжки какие-нибудь и почитай их. Ты ведь умный, поэтому сам всё должен понять!

Так Корюшкин и сделал.

Вернулся от Лены Каретовой домой, сел возле книжного шкафа и принялся книжки читать. До вечера целых две детские книжки осилил, тонкие, правда, но зато интересные.

И ещё Корюшкин за одну взрослую книжку взялся. Толстую и без единой картинки. Название понравилось...

И на другой день продолжил Корюшкин чтение. И на третий...

Он, конечно, и до этого случая книги любил читать, но как-то не так сильно. А тут!..

Каждый день Корюшкин книги читал. Целую неделю!

А потом – две! А после того – месяц! И это ему очень-пре-очень понравилось.

Так что, когда месяц прошёл, Корюшкин решил: «Нет, не стану я писателем! Лучше я читателем буду. Читателем быть тоже здорово!»

ВОЛШЕБНАЯ ТУЧКА

Однажды Корюшкин размечтался.

Возвращался он из школы домой и размечтался. К тому и погода благоприятствовала – весенняя, солнечная: ни снежинки, ни дождинки.

И вдруг – бац! – на нос Корюшкину капля упала.

Поднял Корюшкин голову к небу... и удивился. Над ним висела самая настоящая тучка! Маленькая, но дождевая.

– Вот это да! – воскликнул Корюшкин.

– Да-да! – подтвердила тучка очередными капельками, которые опять упали на нос Корюшкина.

А капли упали так, что в малюсенькие брызги превратились. А брызги в разные стороны разлетелись, так что даже глазам и лбу досталось.

– Ты что, волшебная, что ли? – спросил у тучки Корюшкин, будто это так и должно было быть: Корюшкин – спрашивать, а тучка – отвечать.

И, конечно же, тучка опять капнула. Целых три раза!

– Здорово! – восхитился Корюшкин. – А что ты ещё можешь?

Тучка тотчас же взмыла выше крыши рядом стоящего дома и, словно бомбардировщик, спикировала на Корюшкина. Только вместо бомб ему в какой уже раз достались дождевые капли.

– Чудесно! – обрадовался Корюшкин, вытирая лицо ладошкой. – А лужу сотворить можешь?

Тучка послушно, как дрессированная собачка, опустилась к ногам Корюшкина и, не прошло и минуты, как он уже стоял в небольшой луже.

Затем тучка набрала высоту и... с размаху шлёпнулась в лужу!

Брызги полетели – во все стороны! – а лужа исчезла.

– Вот это да! – восторженно прошептал Корюшкин. – Фантастика! А... А большую лужу – слабо?

Потом Корюшкин плакал.

Почему?

Да потому что волшебная тучка исчезла. Лужу огромную создала-сделала – сама в лужу превратилась.

Пришёл Корюшкин домой сырой – сырее не бывает. Причём с головы до ног. А как же! На голову тучка волшебная капала, ноги в луже – тоже волшебной! – стояли. Как же тут сырым не быть?

А родители на Корюшкина рассердились, ворчать стали.

– Ты где был? – спрашивали. – Заболеть захотел? Ты разве не знаешь, что по лужам ходить нельзя? – А ещё папа с мамой к совести Корюшкина взывали, говорили: – Как тебе не стыдно своим таким поведением нас до белого каления доводить!

В общем, наказать хотели Корюшкина, да он вовремя про тучку волшебную рассказал. И про то, как она с ним разговаривала, и про то, как она лужи делала.

Так что наказывать Корюшкина не стали. Только смеялись родители долго, а потом попросили, чтобы Корюшкин с волшебными тучками больше никогда не встречался.

«Ну да! – думал Корюшкин уже вечером, лёжа в кровати и засыпая. – Как же я с ними встречаться не буду? Это же они с нами встречаются, когда захотят, потому что они – волшебные!»

КАК ПОПАСТЬ В АФРИКУ

Однажды Корюшкин качался. На качелях. Потому что на чём-либо другом, например, на лавочке, что стояла у подъезда дома, качаться было не то чтобы неудобно – невозможно!

И вот качался Корюшкин на качелях, качался... Даже два раза на землю падал – вот до чего раскачивался.

И вдруг!

Вдруг увидел Корюшкин такую картину: идёт по улице малыш годков четырёх и плачет. Не вслух плачет, а про себя – слёзы по лицу кулаком размазывает.

Корюшкин тут же про качели позабыл, бросился к малышу:

– Обидел кто, да?

– Не-а! – малыш головой мотнул.

– Заблудился?

– Не-а! – опять малыш головой крутит.

– Может, болит что? – Корюшкин уже и удивляться начал: с чего-то же должен человек реветь, не просто же так он слезами обливается!

– Да не болит у меня ничего! – возмутился тут малыш. – Я просто дорогу не знаю!

– Ага! – обрадовался Корюшкин. – Я же говорил, что ты заблудился!

– Да не заблудился я! – чуть ли не закричал уже малыш. – Я же сказал: дорогу не знаю. – А потом он добавил, да так, что Корюшкин чуть не сел. – В Африку дорогу не знаю!

Минут через десять Корюшкин выяснил, что зовут малыша гордым именем Василий, что есть у него и папа хороший, и мама красивая и что с самого недалёкого пока детства мечтает Василий на живого крокодила посмотреть,

а те – вот же звери-хищники! – не в нашей стране, России, живут, а в какой-то неизвестной Василию Африке!

Каждый день пытал Василий родителей крокодилом, а они – ни в какую! Не поедем в Африку, и всё тут!

Допекло Василия его желание, и отправился он в Африку в одиночку. На мечту свою хоть одним глазком взглянуть.

– Василий! – сказал Корюшкин, выслушав малыша. – А ведь Африка далеко.

– Знаю, – сказал Василий. – Слышал.

– Один не дойдёшь. Пропадёшь где-нибудь или случится что-нибудь, – стал отговаривать Корюшкин.

Но Василий решительно тряхнул головой:

– Ну и пусть! За мечту и пострадать не жалко!

Загрустил после таких слов Василия Корюшкин. А как же! Упрямый малыш. Такому в неприятную историю попасть – раз плюнуть! Даже до Африки добраться не успеет.

И тут!

Осенило Корюшкина!!!

– Слушай, Василий! – сказал он. – Один ты точно до Африки не доберёшься и живого крокодила не увидишь. А я дорогу туда уже знаю, и крокодила я видел. Живого.

Василий даже глазами захлопал. То ли от неожиданности, то ли от радости. Зато потом сказал однозначно.

– Веди!

И поехал Корюшкин с Василием в Африку. Восемь остановок на автобусе. Ещё две – на трамвае. А после того – пешком!

Мимо длинного забора прошли они до больших ворот и кассы, где Корюшкин на себя билет купил и – «В Африку!» – Василию пояснил. Потом они ворота миновали и в небольшой такой домик завернули.

И вот там-то завопил Василий во весь голос:

– Ур-ра! Афр-рика!

А Корюшкин про себя подумал: «Хорошо, что Василий читать не умеет. И плохо, что родители его ни разу не водили в акватеррариум или в зоопарк!»

Василий минут двадцать крокодила разглядывал.

Только крокодил не пошевелился даже – спал. Но Василию хватило. Вышел на улицу – довольный, будто светится даже! – и сказал Корюшкину:

– Хорошо мне теперь! Только у меня ещё одна мечта появилась. На кенгуру посмотреть хочу. Но это ещё дальше, наверное. В Австралии.

КАК КОРЮШКИН В СКАЗКЕ БЫЛ И ЧТО ИЗ ЭТОГО ВЫШЛО

Однажды с Корюшкиным приключилось нечто! Причём прямо на уроке. Будто кто-то какую-то волшебную кнопочку нажал – щёлк! – и очутился Корюшкин в тридевятом царстве.

Хотя нет! Может быть, и не в тридевятом даже, а в тридесятом: кто ж эти царства разберёт? А спросить-уточнить – не у кого!

Огляделся Корюшкин: с одной стороны лес густой, с другой – горы высокие, под ногами – тропинка.

И вдруг!

Вдруг откуда ни возьмись — клубочек волшебный!

Попрыгал, как мячик, перед Корюшкиным и по тропиночке покатился. А Корюшкин – за ним! Бегом. Вприпрыжку!

Правда, недалеко они с клубочком убежали. Только в лес завернули – раз! – медведь из-за кустов и говорит человеческим голосом:

– Корюшкин! Будешь себя так вести, беда случится!

Сказал медведь это и исчез, будто не было. Следочка не осталось!

А клубочек перед Корюшкиным прыгает, дальше зовёт.

Махнул Корюшкин рукой: мол, привиделся ему зверь говорящий – и опять за клубочком побежал.

А тот – то в горку, то под горку! То через ручеёк – прыг! То в овраг – хлоп!

Устал Корюшкин, сил нет, как устал, и тут!

Корюшкин даже глаза протёр! Даже ущипнул себя за руку!

Да только избушка на курьих ножках, которая перед Корюшкиным вдруг появилась, никуда не исчезла. Клубочек только пропал. Сделал своё дело сказочное – и как сквозь землю провалился!

Ну, делать Корюшкину нечего. Раз в сказке очутился, как в сказках и вести себя надобно.

Встал Корюшкин перед избушкой, как богатырь какой: подбоченился, то есть руку в бок упёр, и выдал:

– Избушка-избушка! Встань к лесу задом, ко мне, Корюшкину, передом!

И послушалась избушка! Закряхтела, заскрипела, повернулась к Корюшкину дверью.

А в дверях – Баба-яга костяная нога! Сидит почему-то за столом, грозно так на Корюшкина глядит и спрашивает:

– А скажи-ка мне, Корюшкин, сколько будет дважды два?

– Четыре! – Корюшкин отвечает.

Сам думает: «Наверное, Баба-яга для меня испытание придумала. Если я на все её вопросы отвечу, она меня или наградит, или не съест, а домой отпустит. Так что лучше с ней поосторожней быть да поласковей!»

Думает Корюшкин про себя, а Баба-яга дальше свои речи ведёт.

– А что это ты, Корюшкин, сидишь? – говорит. – Может, встанешь да передо мной на ножках постоишь?

Удивился Корюшкин: мол, как это сижу, когда стою? А глянул – и точно! Сидит он на пеньке каком-то.

Вскочил Корюшкин на ноги, кричит:

– Конечно, постою! Дальше спрашивайте, бабушка!

...Тринадцать вопросов Баба-яга Корюшкину задавала, тринадцать раз своими премудростями пытала.

Не сдался Корюшкин! На все вопросы отвечал, да ещё просил:

– Спрашивайте ещё, бабушка!

И вдруг!

Как загремят вдруг небеса!

Только без туч и без молнии.

Присел Корюшкин от неожиданности – и очутился в собственном классе. На уроке математики.

Вокруг друзья его, одноклассники, сидят – кто смеётся, а кто и вовсе хохочет.

За окошком – день ясный и город родной.

А на всю школу звонок с урока звенит-трезвонит, да друг Корюшкина, Митька Ивченко, за голову схватившись, бормочет:

– Я же тебя предупреждал! Я же тебе говорил!

– Ничего себе сказочки! – только и смог тогда Корюшкин произнести.

А учительница Людмила Анатольевна выдала:

– Про знания твои, Корюшкин, ничего плохого сказать не могу. Молодец! На все вопросы ответил, пятёрку заслуженно получил. Пятёрку ставлю. А вот почему ты меня бабушкой называл, не понимаю! Неужели я такая... старая?

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ КОРЮШКИНА

Однажды утром Корюшкин проснулся сам.

Впрочем, такое бывало с ним и раньше, но только по выходным. По субботам и воскресеньям. Часов в десять, а то и одиннадцать утра.

В дни же, когда Корюшкин учился, он вставал по будильнику. Или папа с мамой его поднимали. Обычно родители заходили в комнату Корюшкина и говорили:

– Корюшкин! Подъём! Пора в школу!

Но в тот день с утра была пятница.

Корюшкин проснулся сам. Мрачным и неразговорчивым.

– Что случилось? – перепугалась мама Корюшкина, когда он прошёл в ванную. Умываться.

– Сегодня мой последний день, – так грустно и безнадёжно ответил Корюшкин, что мама перепугалась ещё сильнее.

– Как – последний? Почему – последний? – быстро-быстро заговорила она. – Ты заболел? Ты что-то знаешь, чего не знаю я? Что-то должно произойти?

Вопросов было много, но ответ – один.

И Корюшкин повторил:

– Сегодня мой последний день.

Мама тут же убежала к папе, и когда Корюшкин вышел из ванной, на кухне его ждал отец.

– Корюшкин, – сказал он. – Ничто не вечно на земле. Но ты ещё не в том возрасте, когда надо думать о... Об этом... Про это... В общем, тебе ещё жить да жить, а ты уже прощаешься со светом!

– А кто сказал, что я прощаюсь со светом? – удивился Корюшкин. – И жить я ещё буду долго и счастливо. И даже в космос полечу, когда вырасту!

– Ну и, слава Богу! – обрадовался папа. – А мама меня напугала. Говорит, что у тебя сегодня последний день.

– Да, – согласился Корюшкин. – Сегодня мой последний день.

И он сделал такое печальное-препечальное лицо, что даже папа... Даже папа, который никогда ни по какому поводу не волновался и не терял присутствия своего мужского духа, стал переживать!

– Корюшкин! – сказал он. – Ты что-то недоговариваешь? Что случилось?

Но Корюшкин так ушёл в себя, что не замечал родительских волнений.

В общем, в школу в тот день Корюшкины пошли втроём.

– Корюшкины? – удивилась учительница Людмила Анатольевна, когда увидела в дверях класса не только Корюшкина, но и его папу с мамой. – Что случилось?

– Беспокоимся за сына! – в голос ответили родители. – С ним случилось что-то страшное! Он мрачен, расстроен, неразговорчив, не хочет, чтобы мы вызывали врача. И вообще! Он говорит, что сегодня – последний день!!!

– Да-да! – тут же завздыхала Людмила Анатольевна. – Сегодня наш последний день.

С мамой сделалось плохо, папа схватился за сердце.

– Скажите, ради Бога! – попросила мама. – Что здесь происходит?

– Я надеюсь, – слабым голосом произнёс папа, – это не последний день света?

И вдруг!

Вдруг всё внезапно прояснилось!

В класс зашла директор школы и, обращаясь к ученикам, сказала:

– Дорогие ребята! Поздравляю вас с праздником! Сегодня – последний день! Последний день, когда вы учитесь в первом классе! Можно сказать, что сегодня начинаются ваши первые летние каникулы, так что урок у нас будет всего один, а я заранее прощаюсь с вами до осени и желаю вам как следует отдохнуть летом, чтобы осенью вы вернулись в школу, уже во второй класс, с новыми силами!

– О-ох! – простонала мама, догадавшись, в чём дело.

– Ах! – вздохнул папа вслед за мамой.

– Жалко! – шмыгнул носом Корюшкин. – Как жалко, что этого никогда больше не повторится!

КОРЮШКИН
ЛЕТО
БЕЗ РОДИТЕЛЕЙ

Глава 1. И СНОВА О КОРЮШКИНЕ

Жил-был на белом свете Корюшкин...

Впрочем, почему – жил? Он и сейчас живёт! Собирается оканчивать школу и поступать в университет. В какой университет? А вот это – секрет! Секрет не потому что – тайна. Секрет – потому что университетов много. И каждый другого лучше. Так что, в какой университет Корюшкину поступать – секрет! От Корюшкина самого.

Кстати, попрошу не путать ударение в его фамилии! Ударение в фамилии Корюшкин ставится на букву «О»! А то «ударяют» понимаете ли по всякому... Но – стоп! Вернёмся к началу.

Итак, жил-был на белом свете Корюшкин. Мальчишка. Сын своих родителей. Внук своих бабушки и дедушки. Хозяин пса Тимки, кота Кузьмы, попугая Иннокентия Петровича и хомячка Тимона.

Пока Корюшкин ходил в детский сад, друзья у него были детсадовские. Но когда Корюшкин пошёл в школу, в первый класс, то друзья у него стали – школьные, и, вообще, друзей у него заметно прибавилось. Например, Митька Ивченко – одноклассник и сосед по лестничной клетке дома, в который Корюшкины переехали жить. Ещё – Валера, взрослый мальчишка. Даже очень взрослый. Когда Корюшкин в первый класс поступил, Валера в десятый из девятого перешёл.

Но самым необычным другом стал для Корюшкина самый настоящий детский писатель. С виду – дяденька, а изнутри – ребёнок маленький, чуть постарше Корюшкина, одиннадцати лет. Кстати, именно благодаря писателю и появилась на свет первая книжка про Корюшкина. В ней двадцать три рассказа – двадцать три истории. И называется она: «Корюшкин. Невыдуманные истории».

А Корюшкин и на самом деле ничего не придумывал! Ну, если всё так и было, зачем придумывать?!

Причём самое интересное, что половина того, что происходило с Корюшкиным, когда-то происходило и с писателем!

Например, однажды, когда Корюшкин болел, Митька Ивченко предложил ему закаляться, и забрались они для закаливания в... холодильник.

Писатель тоже, когда совсем маленьким был, в холодильник забирался.

А однажды приснилось Корюшкину, что он пошёл в школу и получил там – во сне! – за пять уроков пять пятёрок!

«Хороший сон, – скажете вы. – Ну и что из этого?»

Так ведь это же на самом деле было! Просто Корюшкин всё это время думал, что ему всё снится: и школа, и уроки...

И писателю тоже сон снился. Про школу. И про пять уроков. И оценок он тоже пять получил. Только не пятёрок. А вот так: три, четыре, пять, четыре, три.

А ещё Корюшкина поцеловали. В щёку. В левую. Лена Каретова. Третьеклассница. Честно-честно! Только не из-за того, что Корюшкин ей нравился, а потому что она с девчонками поспорила, что Корюшкина поцелует. И ведь не просто так поспорила, а на коробку конфет! А Корюшкин Лене сказал, что половина конфет его была. Почему? Так ведь он полдела сделал, ведь без него самого Лене целовать было бы некого! Так что отдала Лена Корюшкину половину выигрыша. А потом они подружились...

В общем, много чего интересного у Корюшкина в первом классе было: и тигрёнка он в зоопарк отводил, и цирк дома устраивал, и рыцарем становился, и в Африке побывал. И это ещё не всё!

А захотите всё про Корюшкина-первоклассника узнать или вспомнить, возьмите книжку «Корюшкин. Невыдуманные истории», страницы пролистайте, глазками по строчкам пробежите – и узнаете-вспомните.

А эта книжка совсем про другое. Про то, как закончил Корюшкин в первом классе учиться, и наступило у него лето – весёлые каникулы! А когда лето прошло, встретил Корюшкин своего знакомого писателя и рассказал ему всё-всё-всё! И писатель сотворил новую книгу. Даже не одну. Но эта – одна из них.

Вот, читайте!

Глава 2. ТАНКОВАЯ

Лето у Корюшкина наступило в мае. Потому что каникулы летние начались в последние дни весны.

Планов на лето у Корюшкина было – выше крыши их девятиэтажного дома!

Во-первых, прочитать книги! Двадцать – тех, которые в школе учительница Людмила Анатольевна задала. И ещё двадцать – тех, которые Корюшкин и сам прочитать хотел. И выходило – во-вторых.

Во-вторых, нужно было Корюшкину записаться в библиотеку. Не в обычную, в двух шагах от дома, а в самую большую в городе – центральную. Туда, где книжки не в двух-трёх комнатах жили, а сразу несколько этажей старинного здания занимали.

В-третьих, собирался Корюшкин с друзьями по всему городу походить-погулять. В зоопарке побывать – на всех зверей, птиц и прочих посмотреть. В городской парк отдыха заглянуть – на всех-всех аттракционах покачаться-покрутиться-выше неба подняться и вниз опуститься. Все кинотеатры городские исходить – ни один фильм-

мультфильм не пропустить. И это только для начала! Ещё хотелось Корюшкину в своём дворе поиграть и в соседнем дворе, и ещё рядышком.

В-четвёртых, мечтал Корюшкин с родителями в отпуск съездить. На Чёрное море. Причём, если получится, то в Сочи. А если не получится – в Турцию.

В-пятых... А вот про пятое Корюшкину подумать не удалось.

За один день до настоящего лета мама Корюшкина вернулась домой не как обычно – из больницы, потому что врачом в больнице работала, а одетая в военную форму!

И Корюшкин рот раскрыл, когда маму увидел.

Хорошо, что папа Корюшкина вернулся со службы вместе с мамой Корюшкина. Он-то всё и объяснил.

Когда-то давно, когда Корюшкина ещё на свете не было, папа Корюшкина служил в армии. Офицером. И так получилось, что их часть закрыли. Насовсем. И папа стал человеком гражданским. И познакомился с мамой Корюшкина. И через некоторое время Корюшкин появился на свет.

Последнее время папа Корюшкина работал на военном заводе специальным инженером-конструктором. И так вышло, что папа снова понадобился армии. Ему даже звание пообещали повысить. И папа Корюшкина согласился. И снова стал служить в армии. С февраля месяца – и про это Корюшкин знал.

Не знал Корюшкин о том, что в армии приказы не обсуждаются, а выполняются. Если есть приказ, значит, всё остальное забудь, а приказ выполни!

Папу Корюшкина по приказу направили служить в горячую точку. То есть туда, где почти настоящая война идёт. Там из автоматов стреляют, из гранатомётов...

Мама Корюшкина, когда узнала, что папа Корюшкина

на войну собрался, сначала расстроилась. Расплакалась. И даже рассердилась. А потом решила, что она тоже пойдёт в армию служить. Она же врач, врачи в армии нужны. А уж в горячей точке – тем более. И если вдруг с папой Корюшкина – не дай Бог! Тьфу-тьфу-тьфу! – беда случится, мама Корюшкина папе всегда поможет.

Вот так мама Корюшкина тоже стала военным человеком – врачом-офицером.

До отъезда в горячую точку оставалось папе и маме Корюшкиным всего три дня. Такой приказ был. От какого-то неизвестного Корюшкину генерала.

– А вам обязательно в эту горячую точку ехать? – Корюшкин спросил, когда и про генерала, и про приказ узнал.

– Да! – по-военному коротко папа Корюшкина ответил. И пояснил: – Каждый человек на земле должен заниматься своим делом. Дело военного человека – защищать Родину.

– Какая же это Родина в какой-то горячей точке?! – изумился Корюшкин. – Я даже не знаю, где это!

– Точка эта на юге, – сказал папа Корюшкина. – И эта точка – часть нашей большой-большой Родины. Так получилось, что есть плохие люди, которые хотят разрушить нашу Родину – нашу страну. Здесь кусочек земли отнять, там кусочек. Если этих бандитов вовремя не остановить, то и в наш край война придёт... Там, в горячей точке, дома взрываются, люди мирные гибнут. А я хочу, чтобы с неба солнышко светило, а не бомбы и снаряды падали.

– Я тоже солнышка хочу, – вздохнул Корюшкин. – И ещё хочу с вами на Чёрное море съездить.

– Съездим! Обязательно! – пообещал папа. – В следующем году. А в этом ты с бабушкой и дедушкой поживёшь. Так надо!

– Ты у нас почти взрослый, – сказала мама. – Надеюсь, и лето хорошо проведёшь, и осенью в школу отправишься, и учиться будешь, как положено. Деньги мы бабушке и дедушке оставим – на ранец новый, на костюм, на обувь...

– И на новый танк на радиоуправлении! – закончил за маму Корюшкин. – Я в магазине видел. Классный танк! Большой! У него пушка здоровенная! И ещё ракеты есть. Специальные! Если такую ракету запустить, она далеко улетит. Может быть, и до вашей горячей точки. Вдруг у вас там что-то не так будет, позвоните, скажете, я сразу кнопочку нажму, ракета полетит и ка-ак даст по бандитам! Ничего от них не останется! – сказал Корюшкин. И спросил. С надеждой в голосе: – Купите танк?

На следующий день у Корюшкина появился новый танк. На радиоуправлении. Хотя, если честно, больше всего Корюшкин хотел не новый танк, а чтобы папа с мамой никуда не уезжали.

Глава 3. **ПОЧТИ ГЕНЕРАЛЬСКАЯ**

– А самое высокое звание в армии какое? – спросил Корюшкин у папы, когда до отъезда родителей оставался один вечер, ночь и половинка утра.

– Генералиссимус, – ответил папа. – Помнишь, я тебе про Александра Суворова рассказывал? В детстве он был щуплым и болезненным человеком, но решил взять себя в руки и стал самым прославленным полководцем! Ни одного сражения не проиграл и даже книгу написал под названием «Наука побеждать». Вот только сейчас в нашей армии генералиссимусов нет, – почему-то вздохнул папа.

– А кто есть? – удивился Корюшкин. И поправился: – Кто генералиссимуса младше, а всех остальных старше?

– Маршал, – сказал папа. – Помнишь, я тебе рассказывал

о маршалах Великой Отечественной войны? О Георгии Константиновиче Жукове? Он был четырежды Героем Советского Союза и кавалером двух высших орденов «Победа»! Вот только... – опять вздохнул папа. – В нашей армии маршалов сейчас нет. Только пенсионеры-маршалы... Несколько осталось.

– Так! – выдохнул Корюшкин. – А кто тогда есть? Кто тобой и мамой командует?

– Генералы! – улыбнулся папа.

– Тогда я буду генералом! – выдал Корюшкин.

Он ещё что-то хотел сказать, но папа его перебил – расхохотался:

– Прежде чем генералом стать, нужно много учиться и долго служить! И, вообще, для начала нужно простым солдатом побыть. Рядовым. Чтобы понять, какова эта служба солдатская. А дело это трудное. Вот, к примеру, ночь на посту простоять...

– Зачем – ночь? – не понял Корюшкин.

– Ну, как? Враги ведь и ночью не спят! Солдат, часовой то есть, ночью часть свою охранять должен. Чтобы враги не напали в момент, когда другие солдаты отдыхают. Чтобы солдаты выспаться могли и со свежими силами днём Родину охраняли. Понял?

– Понял! – Корюшкин ответил и, как только ночь наступила и папа с мамой уснули, встал на пост. В прихожей. Как часовой. Чтобы ни один враг не помешал папе и маме отдохнуть и на другой день со свежими силами уехать защищать Родину.

Оружие у Корюшкина было мощное – новый танк на радиоуправлении, с пушкой здоровенной, с ракетами, которые летать далеко могли.

Врагов не было до полпервого ночи. Затем до Корюш-

кина, который не только зорко во все стороны глядел, но и прислушивался ко всем шорохам в квартире, донёсся еле слышимый звук. Шагов.

Звук шагов приближался из гостиной.

Корюшкин половчее перехватил пульт управления танком и приготовился стрелять, но вовремя остановился.

Звук шагов принадлежал Кузьме – белому и пушистому, но злому, если рассердить, коту.

– Куда? – строго, но шёпотом спросил Корюшкин.

Кузьма округлил глаза, что могло означать только одно: ничего я не делаю, и, вообще, я зверь свободный, захотелось погулять, вот и отправился.

Впрочем, в глубине кошачьего взгляда Корюшкин прочитал совсем иное.

– Так-так! – сказал Корюшкин. – На кухню, значит, пошёл! За сервелатом!

И Кузьма поник головой – понял, что его раскусили. А ведь всё было так просто! Кузьма жить не мог без копчёной колбасы! Вот рыбой его не корми, а колбасы – хоть два килограмма сразу давай! И холодильник Кузьма мог сам открывать – лапами. Вот только, какой смысл холодильник открывать, если в нём сервелата нет? А нынче сервелат появился: папа и мама Корюшкины на дорожку взяли, на ночь в холодильник убрали.

– Спать! – приказал Корюшкин.

Кузьма поднял голову и прищурился. И это означало: «Вот ещё глупости! Я лучше неподалёку от тебя посижу, подожду, когда ты сам спать захочешь. А как только задремлешь, я так сразу на кухню и...»

– И не надейся! – прошептал Корюшкин. И негромко позвал: – Тимка!

Через секунду рядом с Корюшкиным сидел его маленький

друг. Маленький, потому что ростиком и хвостиком невеликий. И головой – некрупный. Зато умом! Ума у пса Тимки была палата. Так дедушка Корюшкина говорил.

– Так! – сказал Корюшкин Тимке. – Слушай!

И Тимка стал слушать.

– Папа с мамой завтра уезжают защищать нашу Родину. Мы должны им помочь отдохнуть. Мы тоже как солдаты. Понял?

Тимка согласно опустил голову и поднял её снова.

– Только я не просто солдат! – сказал Корюшкин. – Я – генерал! Я буду командовать, а ты подчиняться…

Утром папа и мама нашли Корюшкина на кухне. Сидя на табурете, он спал, положив голову прямо на стол.

– Я вас охранял, чтобы вы отдохнуть могли! – пояснил Корюшкин родителям, когда они его разбудили.

– Как же ты охранял, если ты спал? – удивился папа.

– Генерал и поспать может, – возразил Корюшкин. И стал рассказывать: – Врагов никаких не было, только один. Хотя он и не враг, а как бы наш, но – диверсант. Кузьма. Он собирался из холодильника сервелат стащить. А я всю ночь на посту стоять не мог, поэтому создал армию. И три линии обороны – защиту от Кузьмы. Кстати, на первой линии обороны, в прихожей, у меня Тимка сидел. Если бы Кузьма прорываться начал, он бы залаял.

– А если бы Тимка, как ты, уснул и пропустил Кузьму, тогда что? – заинтересованно спросила мама.

– Тогда вторая линия обороны сработала бы, – сказал Корюшкин и показал на холодильник, на котором стояла клетка с попугаем. – Иннокентий Петрович в случае опасности должен был закричать. Я его попросил новые слова выучить: «тревога» и «подъём».

– А если бы и это не помогло? – спросил папа.

– Тогда третья линия, – вздохнул Корюшкин. – Тимон!

– Хомячок? А где он? – удивилась мама и закрутила головой.

– Да-да! – согласился с мамой папа. – Где Тимон?

– Я же сказал, на третьей линии обороны, – сказал Корюшкин и подошёл к холодильнику.

И открыл дверцу.

И папа с мамой увидели в холодильнике... клетку с хомячком Тимоном. И так папа с мамой этому удивились, что и сказать ничего не могли. Целых пять минут.

– Вот! – сказал на это Корюшкин. – И Кузьма так же. Открыл бы холодильник и удивился.

– А если бы Тимон замёрз? – после пятиминутной паузы смогла наконец-то заговорить мама.

– Не замёрз бы! – улыбнулся Корюшкин. – У него же в клетке барабанчик для бега, он всю ночь в нём бегал – согревался.

И мама всплеснула руками:

– Ну, ты у нас генерал!

– Ну, генерал не генерал, но звание ефрейтора я тебе точно присвоить могу! – выдал на это папа.

А Корюшкин спросил:

– А ефрейтор – это кто?

– Старший солдат, – пояснил папа. – Почти генерал! В том смысле, что ефрейтор старше рядового.

Так Корюшкин почти по-настоящему стал почти генералом. И все были довольны.

Мама с папой – потому что сын у них таким находчивым оказался.

Тимка – потому что Кузьму на кухню не пропустил.

Иннокентий Петрович – что кричать не пришлось, тем более что слова новые он не выучил.

Тимон радовался – в холодильнике не замёрз!

И Кузьма доволен был, причём весьма доволен, ведь всё равно родители Корюшкина с ним сервелатом со всей щедростью поделились.

Глава 4. БОЛЬНИЧНАЯ

Родителей провожали так. Все вместе – с дедушкой и бабушкой, которые с утра к Корюшкиным пришли – посидели за кухонным столом, чай попили, поговорили о пустяках и о важном, погрустили и...

Затем родители собрались, и опять все вместе посидели. В прихожей. На дорожку.

А у подъезда родителей уже автомобиль ждал. Военный. С самым настоящим солдатом-водителем. Он папе и маме честь отдал – руку к пилотке приложил, а затем помог чемоданы в багажник погрузить.

Поцеловала мама всех остающихся, папа руки всем пожал, сели родители в автомобиль и уехали.

Оставшиеся долго вслед махали: бабушка – платочком, дедушка – рукой, Корюшкин – двумя руками. Пёс Тимка, который тоже родителей провожал, махать лапами не мог, поэтому он за автомобилем метров десять пробежал, полаял звонко и назад вернулся.

И очень вовремя Тимка назад вернулся! Он первым заметил, что с дедушкой что-то не так.

Побледнел дедушка, за сердце рукой схватился и стал на землю оседать. Тут-то Тимка и залаял снова. Но уже совсем по-другому, не так, как родителям Корюшкина.

Бабушка с одной стороны подскочила, Корюшкин – с другой. Подхватили дедушку, усадили на скамеечку у подъезда. Бабушка в карман кофты за таблетками сердечными полезла, а Корюшкин домой побежал, чтобы по телефону

«скорую помощь» вызвать.

Долго Корюшкину по телефону говорить пришлось: объяснять-рассказывать, кто он сам такой, у кого что приключилось, где что произошло, и при этом – когда, отчего, будто Корюшкин врачом был и диагноз поставить мог.

Долго Корюшкину не верили – думали, что раз он мальчишка, то, значит, балуется. И, в конце концов, Корюшкин не выдержал, сказал:

– Вот вырасту, стану самым главным врачом и уволю вас всех! А вдруг дедушка умрёт?!

Но дедушка, к счастью, не умер.

И «скорая помощь» приехала.

И увезли дедушку в специальную больницу для сердечников.

И бабушку с Корюшкиным увезли тоже. Не потому что они тоже заболели, просто дедушку одного в больницу отправлять не хотелось!

Впрочем, в больнице, дальше холла бабушку и Корюшкина не пустили. Дедушку – да, забрали, на каталку положили и увезли, а их – нет. Сказали или домой идти, или ждать.

Только через полчаса в холл специальная медсестра вышла. Она специальной была, потому что с родственниками больных-сердечников разговаривала. И бабушке, и Корюшкину она сказала:

– Не волнуйтесь! Ваш дедушка в операционной. У него под сердцем оказался осколок. Наверное, с войны какой-нибудь. Дедушка ваш, видимо, понервничал сильно, осколок зашевелился и перекрыл движение крови. Но всё обойдётся, потому что вашего дедушку оперирует наш самый главный врач. Он у нас знаете какой специалист? Ого-го! Любое сердце отремонтирует! К нему даже из-за

границы приезжают лечиться. Так что всё будет хорошо, не волнуйтесь!

Но бабушка Корюшкина всё равно волновалась. Только Корюшкин спокойным оставался и бабушку утешал, говорил:

– Дедушка у нас крепкий. Если он с осколком под сердцем с самой Великой Отечественной войны ходил, и ничего с ним не случилось, значит, и нынче ничего не случится! И врач у него, ты же слышала, самый главный по ремонту сердец. Отремонтирует!

И всё равно бабушка волновалась.

За три часа, что они с Корюшкиным в холле просидели, в больницу ещё несколько человек привезли. Одного, прямо как дедушку Корюшкина, на носилках. Другого, помоложе – в кресле инвалидном. Тётеньку пожилую – под руки. Ещё одна – на палочку опираясь, прошла, еле-еле двигалась. Попробуй тут не волноваться!

Но специальная медсестра бабушку Корюшкина всё-таки успокоила. Чуть-чуть успокоила. Потом. А сначала напугала. Вышла в холл через три часа и сказала:

– Ну вот, ваш дедушка уже в реанимации! После операции туда всех переводят! А операция прошла успешно. Наш главный так и сказал.

Домой Корюшкины пришли уставшие, так дедушку после операции и не повидавшие. В реанимацию их не пустили. Дедушка ещё под наркозом был. После операции. То есть ничего не видел, никого не слышал. К дедушке только на следующий день можно было...

Бабушка ближе к ночи, когда спать укладываться стали, вздохнула:

– Вот ведь! Уж сколько часов назад из больницы вернулись, а всё кажется, будто лекарствами вокруг пахнет.

Корюшкин внимательно принюхался и согласился.

...А ночью ему приснилась больница. И он был там самым главным.

Во сне Корюшкин ремонтировал сломанные сердца. Причём не медицинскими инструментами, а молотком, отвёрткой и ключами под винты-гайки – стучал-гремел, крутил-подвинчивал...

И специальная медсестра говорила всем больным, пришедшим лечиться:

– Корюшкин у нас, знаете, какой специалист? Ого-го! Любое сердце отремонтирует!

Глава 5. ПРО ДЕДУШКУ КОРЮШКИНА И НЕ ТОЛЬКО

Утром Корюшкин проснулся от звонка.

Но звонил не будильник.

Звонил не дверной звонок.

Звонил...

Трезвонил телефон.

– Мама? Или папа? – то ли удивился, то ли обрадовался Корюшкин.

Но первой к телефону успела бабушка. Она встала раньше и уже на кухне что-то готовила. И оказалось, что звонили не родители Корюшкина. Звонили из больницы.

Бабушка разговаривала по телефону недолго. А когда положила трубку на аппарат, стала очень-очень серьёзной.

– С дедушкой плохо. Очень плохо, – сказала она. – У него руки и ноги отнялись. Осколок-то вчера убрали, но успел он дел натворить. Так что я сейчас в больницу ухожу. Сам позавтракаешь?

– А может, я тоже в больницу? – не отвечая про завтрак, спросил Корюшкин.

– Да я уж сама! – вздохнула бабушка.

Так Корюшкин остался дома один. Ну, не совсем один. А как бы – один.

Тимку – выгулял. Иннокентию Петровичу воду питьевую поменял. У хомячка Тимона в клетке прибрал. Кузьму погонял – просто так: поиграть захотелось. Сам позавтракал.

Что ещё делать?

«Хорошо Корюшкину! – сам про себя Корюшкин думал. – И ноги работают, и руки. А вот дедушка... Если бы не осколок!»

И тут вспомнил Корюшкин, что ещё совсем недавно, когда в школе учился, писал он сочинение. Историческое. Называлось оно: «Мои родственники – участники Великой Отечественной войны».

Нашёл Корюшкин свой ранец. Достал из него тетрадь нужную и читать начал.

«Великая Отечественная война началась в тысяча девятьсот сорок первом году.

На нашу страну напали фашисты. Они не щадили никого: ни взрослых, ни детей.

Моя бабушка тогда ходила в школу. У неё было четверо братьев и сестёр – младших. Они жили в деревне. С мамой.

Когда фашисты захватили деревню, в которой жила бабушка, они стали издеваться над людьми. Бабушкина мама успела забрать своих детей и уйти в лес.

В лесу они построили землянку. И жили там два года.

Еды почти не было. Все болели.

Однажды мама бабушки не выдержала и ушла в деревню, чтобы попробовать достать лекарство для детей. И не вернулась. Потом бабушка узнала, что фашисты её расстреляли, решив, что она из партизанского отряда.

Бабушка осталась за маму для своих братьев и сестёр. Она кормила их тем, что собирала в лесу: грибами, ягодами...

А ещё она учила сестёр и братьев. Тому, что помнила по урокам в школе: русскому языку, математике, истории...

Иногда она выходила из леса, чтобы в поле собрать колоски с зёрнами. Там в поле ей встретилась незнакомая женщина, которая сказала, что Красная Армия гонит фашистов с нашей земли.

Бабушка вернулась в лес, взяла своих братьев и сестёр, и пошла в деревню.

Деревни не было. Фашисты, отступая, сожгли все дома.

А по деревенской дороге шли наши солдаты.

Бабушка была очень рада своим. Но ведь война не закончилась!

Внезапно налетели фашистские самолёты, и началась бомбёжка.

Бабушка спрятала своих братьев и сестёр в канаву, но младший её братишка, теперь дедушка Ваня, испугался и бросился бежать. Прямо по дороге. Под бомбы.

Бабушка кинулась вдогонку.

Дедушка Ваня запнулся и упал. Бабушка упала тоже.

Она видела, как самолёт с крестами на крыльях стал пикировать прямо на них.

В самый последний момент, закрыв детей своим телом, на них навалился наш солдат. Ему и достались все осколки бомбы, которую сбросил на детей фашистский самолёт.

И хотя солдата ранило очень и очень тяжело, он выжил. Солдат попал в госпиталь.

В госпиталь пошла работать и бабушка. Она стала санитаркой. Стирала бельё, бинты, научилась перевязывать раны.

Она, как могла, ухаживала за солдатом, который спас её и брата. Солдат выздоровел и снова ушёл на фронт, хотя в его теле остался осколок от вражеской бомбы. Врачи не смогли достать этот осколок...

Великая Отечественная война закончилась в тысяча девятьсот сорок пятом году.

Солдат, спасший бабушку, нашёл её. Вернувшись с фронта, он остался жить в деревне, помогал бабушке, её братьям и сёстрам. А когда бабушка стала взрослой, женился на ней, несмотря на то, что был старше её в два раза.

Этот солдат – мой дедушка.

Мой дедушка очень храбрый и умный человек. У него есть четыре ордена – три боевых и один трудовой. А ещё – двадцать с лишним медалей.

Про дедушку можно рассказывать долго и много, но самое главное я уже рассказал.

Хотя нет! Самое главное в другом!

Моя бабушка и её братья и сёстры, мои папа и мама, я и мои друзья живём, потому что есть на свете мой дедушка. Потому что у него были замечательные друзья-солдаты, которые спасли наш мир. Наверное, они тоже чем-то мои родственники. Но о них пусть расскажут другие».

Под сочинением стояла пятёрка с тремя плюсами. И ещё слова, написанные учительницей Людмилой Анатольевной: «Не забудь сказать своему дедушке спасибо и от меня».

Глава 6. БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ

Бабушка вернулась только вечером. Корюшкин к тому времени уже сам в больницу засобирался: а вдруг и с бабушкой что-то не то? Но с бабушкой, к счастью, всё то было. То есть всё нормально.

А вот с Корюшкиным выходило всё наперекосяк.

– Ну, хоть родителей твоих обратно из армии вызывай! – говорила бабушка. – Некому тобой заниматься. И хоть ты у нас и самостоятельный почти во всех отношениях, всё равно негоже тебя, такого маленького, одного оставлять. Я-то ведь в больнице теперь пропадать буду. Пусть там, в больнице, врачи и хорошие, но с ними твой дедушка на ноги не встанет. А вот я... Я его в войну ходить научила и теперь подниму! В общем, ты уж не обижайся, внук! – бабушка погладила Корюшкина по голове. – Из больницы я на почту зашла. Телеграмму срочную отправила. Брату своему. Дедушке Ване. Чтобы приехал завтра с утренней электричкой и тебя в деревню забрал.

Корюшкин только глаза округлил:

– А как же мама с папой? А вдруг они домой позвонят, а дома никого! Они же волноваться будут!

Но бабушка Корюшкина успокоила:

– Они ведь не в городе остановятся – почитай, в поле чистом. Там телефона не будет. Они мне так сами говорили. Так что только письмами общаться станем.

Однако Корюшкин не успокоился:

– А как же Тимка? Кузьма? Иннокентий Петрович с Тимоном?

Но и тут бабушка нашлась:

– Коты, попугаи да хомячки по одному разу в день есть могут, – сказала. – А уж убрать за ними... Зайду, уберусь. Собаку же ты с собой возьмёшь. Тимку выгуливать надо. С этим я здесь не справлюсь.

И так вышло, что на следующий день Корюшкин оказался на железнодорожном вокзале.

Не один. С дедушкой Ваней. И с Тимкой. И со школьным ранцем за плечами.

Правда, в ранце не учебники были – одежда, еда, пистолет игрушечный, танк на радиоуправлении, тетрадки да фломастеры для рисования, ну и еда ещё всякая, бабушкой приготовленная.

До деревни, где дедушка Ваня со своей женой – бабушкой Машей – жили, дороги на электричке три часа с хвостиком было. Причём хвостик в целый урок школьный помещался!

Вагон оказался полон пассажирами – битком набит. Но Корюшкину с дедушкой Ваней место нашлось. Рядом с тётенькой, дяденькой и сразу тремя малышами.

Вообще, малышни в вагоне набралось – почти половина вагона. Если бы не они, так и сидел бы Корюшкин до самой своей станции, в окошко бы глядел, о своём думал. А так...

Сперва раскапризничался один малыш: жарко, душно, долго, скучно. А за ним – другой заревел. А потом – третий и четвёртый крик подняли...

Взрослые сперва ор такой терпели. Затем – ворчать стали. Потом – и вовсе ругаться.

Родители детей своих успокаивали-успокаивали – сами кричать стали. На малышей.

Корюшкин и не выдержал.

Повернулся он к малышу, который рядом плакал, и спросил:

– Хочешь, цирк покажу?

Малыш про слёзы моментально забыл: – Хочу! – сказал.

– Передай всем, кто плачет, пусть к нам подходят! – выдал Корюшкин и Тимку погладил, мол, давай, выручай.

Через минуту все малыши к Корюшкину подтянулись. А за ними и родители – интересно ведь, куда это их дети пошли!

А Корюшкин поднялся с диванчика вагонного и объявил:

– Впервые в истории железной дороги! Передвижной цирк в составе дрессировщика Михаила Корюшкина и его пса Тимки! Слушайте – не плачьте, а понравится – хлопайте-аплодируйте!

И что тут дальше началось!

И ещё бы – не начаться!

Ведь Корюшкин с Тимкой на все руки-лапы мастера были!

Корюшкин командовал, а Тимка и прыгал, и на задних лапах ходил, и вместе с ребятами песню пел, правда, почему-то не летнюю, а зимнюю – « В лесу родилась ёлочка».

Электричка весело бежала – колёсами по рельсам стучала-перестукивала. Малыши смеялись, взрослые хлопали – всем весело стало.

И решил тут Корюшкин новый фокус продемонстрировать. Математические способности Тимки показать.

Так он и сказал:

– Тимка у меня математикой увлекается. Всю программу первого класса и даже немного больше знает! Кто не верит, пожалуйста!

Посмотрел Корюшкин на Тимку и спросил:

– Тимка! Скажи, пожалуйста, сколько будет один плюс один?

И Тимка взял и ответил:

– Гав-гав! – два раза, как и положено!

– А если из трёх два вычесть? – Корюшкин новую задачку задал.

– Гав! – Тимка ответил, даже глазом не моргнул, только хвостиком помахал.

И тут один дяденька к «железнодорожному цирку» подошёл.

Этот дяденька, вообще, очень сердитым был. Когда малыши плакать стали, он громче всех ругался: сперва в полицию всех, кто ревёт, сдать хотел, а затем – посреди поля высадить или в лесу оставить.

– Ну и что это? – дяденька сказал. – Разве это задачки? Да с такими любой осёл справится! Или мартышка! А вот, чтобы сложнее?

Дяденька народу не понравился, загудели пассажиры недовольно, но Корюшкин только руку поднял, мол, не надо шума, мол, тихо-тихо! И предложил:

– А вы сами задачку задайте!

– Да, пожалуйста! – дяденька хмыкнул. – Семь плюс восемь!

– Гав-гав-гав-гав-гав-гав-гав-гав-гав-гав-гав-гав-гав-гав-гав! – Тимка пролаял.

– Пятнадцать! – ахнула какая-то тётенька. – Надо же, правильно угадал!

– Не угадал, а сосчитал! – Корюшкин тётеньку поправил.

– Случайность! – дяденька от всех отмахнулся. – А вот если из двадцати одного девять вычесть?

Но Тимка и тут Корюшкина не подвёл – двенадцать раз своё «гав» сказал.

Сердитый дяденька не сдался, даже обижать принялся:

– Фокусы это какие-то. Мошенничают они! Ну-ка вам вопрос посложнее: два плюс два умножить на два.

Корюшкин на эту задачку ответ знал: шесть. В этой задачке сначала умножение делается, а затем сложение.

Оказалось, что и Тимка с этой задачкой знаком был.

Дяденька от сердитости своей покраснел даже, но

вредничать не перестал. То упражнение на сложение задаст, то на вычитание. То на умножение, то на деление. А когда устал, вообще, выдал:

– Одиннадцать в квадрате, это сколько?

– Это не из первого класса! – Корюшки сказал. – Это сложнее. Но мы справимся! – Корюшкин знал, что говорит, ведь не зря же он математику любил и вместе с папой дополнительно занимался.

Одиннадцать в квадрате – это одиннадцать умножить на одиннадцать – сто двадцать один получится.

И Тимка стал отвечать.

А дяденька – считать.

И все пассажиры тоже считали.

И насчитали все – сто двадцать один раз Тимка «гав» сказал.

И зааплодировали все. И Тимке, и Корюшкину.

Один только дяденька вдруг сильно-сильно рассердился. Он вдруг в окно глянул, а электричка от станции как раз отходит.

Дяденька и закричал:

– Да я же станцию свою проехал! Это всё вы виноваты! Заморочили мне голову! Вы мне за всё ответите! Вы теперь должны меня на обратную электричку посадить! Вы мне денег должны!

Вот так вот Корюшкин виноват стал. И Тимка – за компанию. Причём без вины вовсе!

Впрочем, закончилось всё, как и положено, – хорошо.

Дяденьку сердитого всем вагоном на следующей станции высадили, а Корюшкину с Тимкой весь вагон – все пассажиры подарков-гостинцев надавали за представление.

Вышли Корюшкин, Тимка да дедушка Ваня на своей

станции, подарков – конфет, шоколада, яблок, апельсинов, бананов! – в ранце не уместилось, в пакете да в руках ещё.

Тут дедушка Ваня и спросил:

– Неужто Тимка у тебя на самом деле такой умный? Неужто и в самом деле считать умеет?

– Ага! – выдал Корюшкин и хохотать принялся.

А почему – хохотать? А сами догадайтесь, в чём фокус с математикой был!

Глава 7. ДЕКАБРЬСКАЯ

До дома дедушки Вани – деревенской избы – шли минут двадцать. Или больше. А долго так шли, потому что изба дедушки Вани стояла на самом краю деревни.

Дедушка Ваня пакет с подарками Корюшкина из электрички нёс, а Корюшкин – ранец и Тимку.

Вообще-то Тимка и сам бы мог топать-бежать, но дедушка Ваня предуиредил:

– Собаки у нас в деревне все серьёзные. Ну, в смысле, большие, крупные. И чужаков не любят. Тимка у тебя хоть и учёный, математику знает, а суиротив наших собак не устоит – порвут, если что.

К счастью, ни одной собаки по дороге не попалось. Зато все они, те, которые за заборами-оградами были, лаяли беспрестанно. Учуяли как-то, что гость к ним городской прибыл-пожаловал!

Так под собачий лай и вышел Корюшкин к избе дедушки Вани.

А там, на крылечке, гостей уже бабушка Маша, дедушки Вани жена, поджидала.

Корюшкин «Здравствуйте!» сказать не успел.

Как бабушка Маша принялась его обнимать, тормо-

шить, со всех сторон разглядывать да говорить! Да быстро так говорить! Вот так, примерно:

– ДаЭтоКтоТутПриехалДаКакЖеТыВыросДаВедьТыЗдесьУжеГодаТриИлиЧетыреНеБылВедьМыТебяПомнимМахонькимТыЖеТеперьВонКакойБольшойЖених-МожноСказать...

Бабушка Маша и дальше бы так говорила – без умолку, да дедушка Ваня жену свою остановил, сказал ей:

– Гость-то у нас — дорогой! С дороги дальней, не ближней! Покушать бы чего ему, да и я сам не откажусь!

И завели Корюшкина, гостя дорогого, в избу. А там стол – ломится. В смысле, на столе столько всего! И всё такое деревенское – пышное, душистое, вкусное! Шанежки картофельные, ватрушки творожные, пирог-разборник с вареньем малиновым, пирожки с яйцом и луком, да рыбник, да мясной, да каравай из печки. И в центре всего кувшин с молоком!

Корюшкин как глянул на всё это, так и выдал:

– Мне уже так хорошо, что боюсь, а вдруг плохо станет.

Дедушка Ваня успокоил:

– Живот не схватит, не с чего. А если переешь, так туалет рядышком. Я тебе потом покажу, экскурсию по всему хозяйству нашему устрою. А, вообще, хорошего много не бывает. Так что налетай давай!

И Корюшкин налетел! Всего попробовал: и шанежек, и ватрушек, и разборника, и пирожков, и рыбника, и мясного! А уж молока – два стакана выпил, вот сколько влезло!

После обеда Корюшкина на экскурсию повели. Дедушка Ваня. Один. Потому что бабушке Маше некогда стало, она посуду мыть собралась!

Изба у дедушки Вани с бабушкой Машей большая была. А двор, одной крышей с избой крытый, ещё больше.

Но дедушка Ваня Корюшкина сперва в огород повёл. Из избы в сени, мимо кладовки и чулана, через двор в огородные ворота.

– Вот! – сказал. – Это наш огород.

Глянул Корюшкин на огород и глаза от удивления округлил: начало огорода он видел, а вот конца – нет...

– Тридцать соток, – дедушка Ваня продолжил. – Или больше, точно не помню. Но есть у нас здесь и картофель, и огурцы, и помидоры, и редиска, и свёкла, и капуста, и морковь, и смородина, и ирга, и виктория...

Дедушка Ваня и дальше бы продолжал перечислять, что у него в огороде есть, но тут Тимка, который Корюшкина в экскурсии сопровождал, к какому-то маленькому домику помчался.

– А это у нас баня, – вслед Тимке дедушка Ваня сообщил. – Моемся мы в ней.

Из бани Тимка выходить не захотел. Точнее, из предбанника. Это что-то наподобие маленькой комнаты перед самой баней. В предбаннике люди переодеваются и после бани отдыхают.

Хорошо Тимке в предбаннике было, прохладно.

– Ты, что ли, здесь жить собрался? – удивился Корюшкин.

– Гав! – сказал Тимка, тут же на пол деревянный прилёг и спать собрался.

– Ну, пусть! – дедушка Ваня с псом согласился и повёл Корюшкина обратно во двор. Только не в избу, а в другое какое-то помещение.

В этом помещении Корюшкин увидел настоящую! Живую! Огромную и коричневую! Корову.

– Здесь, в коровнике, у нас Декабря живёт, – дедушка Ваня сказал и корову между рогов погладил. – Декабря,

потому что в декабре родилась. Обычно она у нас до вечера со стадом пасётся, но сегодня я с утра до тебя поехал, поэтому корову не отвёл. И бабушка Маша не повела, у неё от дальней дороги ноги болят. А Декабря у нас корова знатная, не молоко даёт – сливки чисто! Да ты и сам пробовал. Кстати, не забудь-ка Декабрю поблагодарить.

– Как? – удивился Корюшкин. – Спасибо сказать?

– Ну, можно и спасибо, она поймёт. Только пуще всего Декабря у нас хлебушек с солью любит. На-ко вот, дай ей, – и дедушка Ваня незаметно от коровы сунул в руку Корюшкину посоленную корку хлеба. – Да не бойся!

– А я и не боюсь! – сказал Корюшкин, хотя ноги у него почему-то странно задрожали.

Декабря внимательно посмотрела Корюшкину в лицо – сверху вниз – и, вдруг раздув ноздри, опустила голову прямо к рукам Корюшкина.

– Учуяла! – обрадовался дедушка Ваня.

Дальше трусить Корюшкин не смог. Точнее, он всё равно трусил – даже глаза зажмурил, но руку с хлебом в сторону Декабри всё-таки протянул.

Что-то мягкое коснулось руки Корюшкина, хлеб куда-то исчез, а со стороны Декабри раздалось аппетитное «почавкивание».

Корюшкин осторожно «разожмурился» и увидел, что корова с удовольствием жуёт хлеб. Это было удивительно и интересно.

Но дальше произошло нечто более удивительное.

Декабря вдруг сделала шаг к Корюшкину. Причём так быстро, что Корюшкин не успел ничего понять, а уж тем более отступить или сбежать.

Декабря шагнула к Корюшкину, вытянула язык и лизнула им Корюшкина прямо в щёку! Будто поцеловала.

За хлеб. И отошла обратно. Язык у Декабри был толстым, шершавым и тёплым. И ещё добрым. Таким, что Корюшкин, вдруг перестав дрожать, решил! Вслух:

– Когда большим вырасту, обязательно корову заведу! И назову Декабрей!

Глава 8. БЕЗ НАЗВАНИЯ

Корова Декабря Корюшкину очень сильно понравилась.

И Корюшкин Декабре тоже приглянулся. Так дедушка Ваня ему сказал.

Но, как оказалось, корова была не единственным живым существом, которое у дедушки Вани и бабушки Маши обитало.

Рядом с коровником ещё одно помещение оказалось – телятник. То есть дом для коровьих детей – телят.

В телятнике жила очень маленькая корова, дочь Декабри – Звёздочка. А Звёздочкой её назвали из-за белого пятнышка между маленьких рожек.

А дальше телятника, за ещё одной дверью, жили самые настоящие поросята!

– Стоп! – сказал Корюшкин, когда поросят – Борьку и Хрюшку – увидел. – Надо план составлять, кто где живёт. А то я потом запутаюсь!

И он убежал в избу. Достал из своего ранца тетрадь, фломастеры с ручкой и принялся план составлять. Из квадратиков и прямоугольников. А между ними – стрелочки ставить, чтобы понятно было, как куда дойти.

В самом большом квадрате Корюшкин написал: «Дом дедушки Вани и бабушки Маши – изба».

От квадрата Корюшкин стрелочку провёл к прямоугольнику. А в прямоугольнике он из красивых разукрашенных букв составил: «Дом коровы Декабри – коровник».

Дальше ещё веселее дело пошло. Появился в тетрадке Корюшкина «Дом Звёздочки – телятник», «Дом Борьки и Хрюшки – свинарник», «Дом кошки Мурки – сеновал».

Корюшкин и про Тимку не забыл. Маленький квадратик в большом – огороде – начертил и написал в нём: «Дом пса Тимки – баня».

И всё хорошо было бы, но тут дедушка Ваня ещё и курятник Корюшкину показал.

– А вот здесь у нас куры живут, – сказал. – Тут у них насест – жёрдочки, на которых они ночью спят, а тут дырка со двора на улицу, чтобы днём они гулять могли.

Кур в курятнике не оказалось. Ведь до ночи время ещё оставалось, и поэтому куры гуляли. На улице. Без присмотра.

– Некому за ними теперь присматривать, – дедушка Ваня вздохнул. – Был у них начальник – петух Петька да сгинул куда неведомо. То ли лиса из лесу прибежала, а лес-то – вон он, рядышком от нас: минут пятнадцать, и в тайге. То ли собака какая Петьку нашего придушила да съела.

Куры дедушку Ваню внимательно слушали, между собой тихонечко переговаривались: «Кво-кво-кво, кво-кво» – мол, да, был у нас Петька, да сгинул. Мол, одни мы теперь, одинёшеньки. Мол, без присмотра остались!

– Ну, ничего! – дедушка Ваня кур успокоил. – Завтра сосед мне нового петуха обещал привезти. У него сын в другой деревне живёт, неподалёку. Так у того сына в хозяйстве два петуха. Вот и решил он поделиться.

Корюшкин для дома куриного большой квадрат начертил, потому что кур много на улице гуляло, много имён нужно было в квадрат занести.

Написал Корюшкин в квадрате слово «Дом» и дедушку Ваню спросил:

– Дедушка, а как кур зовут?

– Да очень просто! – дедушка Ваня ответил. Вот так: – Цып-цып-цыпа! Цып-цыпа!

И все куры тут же к дедушке Ване кинулись.

– Да нет! – Корюшкин рукой махнул. – Имена у них какие?

– Какие имена? – дедушка Ваня не понял.

– Ну, вот корова – Декабря, дочка у неё – Звёздочка, – начал Корюшкин и остановился.

Дедушка Ваня плечами пожал:

– Да никак не зовут! – И предложил: – А ты, если хочешь, сам их назови, как поглянется! А как назовёшь, в избу возвращайся, я тебе твою постель покажу! Она у тебя не абы где, а на сеновале!

И дедушка Ваня ушёл в избу, а Корюшкин остался. Имена придумывать.

– Так, – говорил Корюшкин, глядя на куриц. – Эта у нас пёстрая, значит, будет Пеструшкой. Эта у нас чёрная, значит, будет Чернушкой. Эта у нас белая, значит, Белянка. А эта у нас... Тоже белая! А назову Сметанкой! – тут Корюшкин рассмеялся даже, до того ему понравилось имена курицам давать.

Вот только курицы на месте не стояли, по травке да по дороге ходили – землю да пыль лапами скребли, червячков искали.

– Так! – Корюшкин глазами захлопал. – У меня же две белые курицы были – Белянка и Сметанка. Откуда третья взялась? А-а-а... – догадался он. – У дедушки Вани три белых курицы! Значит, эту нужно назвать... Как же её назвать? Молоком, что ли? Нет, молоко – это оно, а курица – это она. Не подойдёт! Что же у нас ещё белым может быть?

И пока Корюшкин о белом цвете думал, Чернушка с Пеструшкой куда-то пропали, а вместо них на улице две рыжие курицы появились.

И пока Корюшкин про новых птиц удивлялся, рядом с ним белых куриц и вовсе пять штук оказалось!

– Сколько же всего у дедушки Вани куриц? – ахнул Корюшкин и принялся куриц считать: – Одна, две, три, четыре, пять, шесть, семь... Или, нет! Эту я уже считал, она у меня четвёртой была. Значит, шесть, семь, восемь... Стоп! Это не восьмая, это вторая. Семь, восемь, девять. Ай, нет! Девятая – это первая! Или вторая! Или...

Не заметил Корюшкин, как на улице темнеть стало. Зато курицы почувствовали, что ночь приближается, и домой, в курятник, засобирались.

Одна в дырку заскочила, другая, третья...

– Вот! – обрадовался Корюшкин. – Сейчас они все домой зайдут, на насест усядутся, я их всех и пересчитаю! И назову.

Осторожно-осторожно, на цыпочках почти, зашёл Корюшкин во двор избы дедушки Вани, к курятнику подкрался неслышно, дверь открыл без скрипа, в курятник глянул одним глазком, дыхание затаил даже, – но курицам и этого хватило.

Как принялись они кричать, во все стороны летать, так Корюшкин испугался даже! Дверь захлопнул, постоял немного – отдышался с трудом и понял, что неполным у него план получится. Один квадратик так пустым и останется. Без названия.

– Да и ничего это! – дедушка Ваня потом про куриц сказал. – Нам что с именами, что без, лишь бы дело своё знали, как положено нам на глазунью да на стряпню яйца выдавали!

Глава 9. **ПОЧТИ ПРО ПРИВИДЕНИЕ**

Спал Корюшкин на сеновале.

Сеновал – это такое место над коровником, телятником, свинарником и курятником, где для домашних животных сухую траву, сено, хранят.

Спать на сеновале просто-таки замечательно! И высоко, и свежо, и мягко, и никто не мешает, даже кошка Мурка. Сеновал был Муркиным домом только днём, когда она там спала, а ночью кошка охотиться уходила.

И комары Корюшкина тоже не доставали.

У бабушки Маши на сеновале, кроме сена, всякие лечебные травы висели – сохли. А комары эти травы, точнее запах их, просто на дух не выносили!

Дедушка Ваня утром встал рано, чтобы корову Декабрю до пастбища, где все остальные деревенские коровы пасутся, отвести. И ушёл. С Декабрей.

Корюшкин им с сеновала рукой помахал и снова заснул. А проснулся – от криков. Точнее, от одного крика. Вот примерно такого:

– А-а-а-а-а!..

Соскочил Корюшкин с постели, кинулся к дверце, что на улицу выходила, распахнул её и прямо посреди улицы увидел... Шурика.

Шурик был его другом. По городской жизни. Они там, в городе, частенько вместе гуляли, играли. А однажды даже рыцарями умудрились стать, когда от хулиганов скамеечку, что возле дома Корюшкиных стояла, защитили. И пусть Шурик был старше Корюшкина на два класса, всё равно вдвоём им было веселее, чем поодиночке.

И вот этот самый Шурик нёсся теперь по деревенской улице. И кричал! А за Шуриком неслась здоровенная лохматая собака. Молча.

Времени на раздумья не было, и Корюшкин, как был есть, непонятно зачем схватив с собой простыню, поспешил выбраться с сеновала. И зацепился простынёй за дверцу.

И полетел!

Вниз!

На землю!

Хорошо, что простыня и длинной оказалась, и крепкой.

И Корюшкин удачно так приземлился – между Шуриком и собакой. В другой какой раз, может, и неудачно было бы так приземлиться, но тут...

Простыня с дверцы сорвалась и накрыла собой Корюшкина.

Корюшкин сперва не понял ничего и испугался немножко, что видеть перестал. И ка-ак вскочит! Ка-ак закричит! Ка-ак замашет руками!..

Когда Корюшкину удалось простыню с себя скинуть, ни собаки, ни Шурика на улице не было.

Точнее, Шурик был. Но уже в огороде дедушки Вани.

Он, Шурик то есть, полутораметровый забор в один миг перескочил и за кустами смородины спрятался.

От кого?

Ну, конечно же, от большого, белого и кричащего.

– Шурик! – Корюшкин друга позвал. – Ты где? – И увидел, что сквозь щель между досками забора на него кто-то смотрит. – Это ты? – Корюшкин спросил.

Но это оказался не Шурик. Это оказалась та самая здоровенная лохматая собака. Она тоже забор дедушки Вани перескочила.

Зачем?

Ну, наверное, чтобы спрятаться.

От кого?

А вы как думаете?!

– Шурик! – ещё раз Корюшкин друга позвал, и тот наконец-то отозвался.

– А? – сказал и из кустов смородины поднялся.

Взъерошенный весь, в смородиновых листьях, в мусоре каком-то – в общем, леший да и только! Только леший не лесной, а огородный.

Когда здоровенная лохматая собака рядом с собой неожиданно такого Шурика увидела, она забор дедушки Вани снова перескочила. Только уже обратно. На улицу.

А Корюшкин в этот момент простыню встряхнуть решил...

Потом в деревне говорили, что это была самая храбрая собака. Была.

Она Шурика с самого детства пугала. А Шурик каждый год, и не только на летние, но иногда и на зимние, и на весенние, и на осенние каникулы к дедушке и бабушке в гости приезжал. Они у него в той же деревне, что и дедушка Ваня с бабушкой Машей жили. А Корюшкин про это не знал, в городе они с Шуриком про деревню не разговаривали – другие темы находили.

– А? – сказал, поднявшись из кустов смородины, Шурик и даже глаза кулаками протёр. – Корюшкин! Это ты?

– Конечно, я! – ответил Корюшкин.

– Это точно ты? – не поверил Шурик.

– А кто ещё может быть? – удивился Корюшкин.

– Ну, например, привидение? – сказал Шурик и собрался снова в смородину спрятаться.

– Привидение?! – ещё сильнее удивился Корюшкин и захохотал. – Я – привидение! Да ты что, не знаешь, что ли, что привидения только ночью появляются? А какая же сейчас ночь, если в небе солнце светит!

– Да, пожалуй, ты прав! – согласился с другом Шурик. – Сейчас день, и ты не привидение. Ты – Корюшкин! – И он обрадовался так, что даже закричал: – Ура! Какие у меня классные каникулы будут! С Корюшкиным!

И ещё Шурик хотел через забор перелезть, чтобы рядом с Корюшкиным, на улице, оказаться. И – не смог. Забор-то – полутораметровый!

Пришлось Корюшкину через двор в огород идти и Шурика на улицу обратно через двор дедушки Вани и бабушки Маши выводить.

Шёл Корюшкин и приговаривал:

– А вот если бы я настоящим привидением был, вы бы с собакой и трёхметровый забор перескочили бы!

Глава 10. КТО В ДОМЕ ХОЗЯИН

Пока дедушки Вани дома не было, Корюшкин успел Шурика с бабушкой Машей познакомить. Затем позавтракали они все вместе, и Корюшкин Шурика до его дома проводил. И договорился о том, что Шурик, как только свои дела закончит, с ним, с Корюшкиным, встретится.

А у Шурика дел было много. В основном, по огороду. Ну, там, рассаду полить, грядки прополоть. И самое главное, воды домой наносить. Из колонки. Из специального такого устройства, через которое вода из земли наверх идёт. С глубины аж в шестьдесят метров! Так дедушка Шурика сказал.

И вернулся Корюшкин назад. А там как раз и дедушка Ваня подошёл. Причём не один, а с петухом!

– Сосед-то поутру к сыну в гости съездил. У них машина, так съездить быстро получается. Ну, а я, как Декабрю на пастбище отвёл, так к соседу и зашёл, – сказал дедушка Ваня. – Вот, принимайте пополнение в хозяйство!

И дедушка Ваня развернул мешок, который до этого держал в руках, и выпустил из мешка на волю вольную настоящего петуха!

Правда, маленький какой-то петух оказался.

Корюшкин думал, что он круинее будет. А тут – от земли еле видно. Да и цвета непонятного – и белого, и серого, и рыжего, и чёрного. И хвост у него коротким был.

Так Корюшкин и сказал. Про петуха. И про рост, и про цвет, и про хвост.

Дедушка Ваня только и успел сказать:

– Зря ты его так...

Петух как закричит по-петушиному! Как на Корюшкина налетит! Как в ногу клюнет!

Закричал Корюшкин со страху, поскакал на одной ноге от петуха – хотел спрятаться где-нибудь. Да только где на улице спрячешься? Да только какая скорость на одной ноге!

А петух – на двух! Крылья в стороны! Перья распушил! То ли шипит с криком, то ли кричит да шипит в придачу!

Хорошо, Тимка услышал, что хозяин в беду попал. Из бани, через двор да на улицу выскочил! Залаял звонко! Между Корюшкиным и петухом встал храбро, но... Но, как только петуха увидел – и крылья в сторону, и перья распушенные,– так сразу хвостик поджал и обратно рванул.

В самый последний момент дедушка Ваня на петуха мешок накинул. А не то несдобровать бы и Корюшкину, и Тимке. Тимка-то с испуга на Корюшкина налетел. А петух клевать приготовился. И Тимку, и Корюшкина.

– Боевой петух! – дедушка Ваня сказал, когда птица под мешком успокоилась немножко. – Не петух – орёл! Вы уж, ребята, с ним поаккуратнее будьте! А на первое время, как через двор пойдёте, бойтесь. Ты, Корюшкин, палку с собой бери. А ты, Тимка, лучше стороной Петьку нашего

обходи! А Петька на новом месте пообвыкнет немножко и успокоится. Поймёт, кого клевать, а кто – хозяин.

Но Петька не успокоился.

Корюшкину с Тимкой что с палкой, что в обход – лучше не получилось.

Новый Петька всем показал, кто в доме хозяин...

Тимке от петуха в бане, в огороде прятаться пришлось. Бабушке Маше, чтобы в свинарник попасть или в телятник, через двор бегом бегать выходило. Корюшкин вообще взял на сеновал залез, там безвылазно жить собрался.

А про кур и говорить нечего!

Правда, поначалу они думали: ну, подумаешь, петух? Ну, подумаешь, кукарекает! Ну, мелочь ведь какая-то!

Вышли куры на улицу погулять, как ни в чём не бывало, разбрелись в разные стороны...

Подлетел Петька к курам: одну клюнул, другую крылом шлёпнул, на третью закричал. Куры враз строем ходить стали. За Петькой.

А петух не только сердиться умел. Он курам место, где червяков много, нашёл. Подлетел к канаве возле избы дедушки Вани, лапой поскрёб и, на тебе, пожалуйста, кушайте на здоровье!

Куры Петьку зауважали. А как же! Хозяин! Строгий, но зато заботливый...

Шурику от Петьки тоже досталось.

Шурик после дел своих домашних-огородных к Корюшкину в гости собрался. По улице шёл-насвистывал, собаки страшной не боялся. И вдруг – на тебе!

...Как Шурик на сеновале вместе с Корюшкиным оказался, он не запомнил.

Что-то Петька кричал, что-то Корюшкин, что-то сам Шурик... А затем – бац! – сидят Шурик да Корюшкин на

сеновале, а Петька гордо по улице расхаживает, на кур своих важно поглядывает.

– А, может, его тоже напугать? Как собаку! – предложил Шурик, когда услышал рассказ Корюшкина про Петькины «подвиги». – Представляешь, он привидения тоже испугается, и всё. Всё нормально будет!

– Да я бы с радостью, – Корюшкин ответил. – Только кто привидением будет? Я – боюсь.

– Я буду! – решительно сказал Шурик и, забрав простыню Корюшкина, смело спустился с сеновала во двор, а затем, открыв ворота, на улицу выбрался.

Корюшкину с сеновала хорошо было видно. Всё видно. И как Шурик простыню белую на себя накинул. И как руками замахал, и как завыл голосом противным. И как таким – привидением! – на Петьку двинулся.

Вот только Петька не испугался. Он опять перья распушил, крылья в стороны сделал – и на привидение! То есть на Шурика!

И ведь всего один раз Петька Шурика клюнул, а Шурика и след простыл. С улицы.

Оказался Шурик рядом с Корюшкиным в одно мгновение.

Сидели они потом на сеновале полчаса, сидели час. Может, и больше. Полтора часа, может быть.

Корюшкин предложил. Или Шурик. Да, неважно кто сказал:

– А давай на крышу заберёмся!

Сказано – сделано.

Забрались друзья на крышу избы дедушки Вани.

И так там хорошо было! Солнышко пусть и жаркое, но ветерок дует – освежает. Небо вокруг синее-синее, словно море. Лес недальний, тайга будто земля близкая.

И представил Корюшкин себя капитаном корабля, скомандовал:
– Курс на остров! – на лес показал. – Следить в оба глаза, вдруг рифы!
– Есть, капитан! – Шурик согласился. И вдруг завопил: – Смотри! Смотри!
– Что такое? – Корюшкин возмутился. – Это что за обращение к капитану?! Матрос Шурик, доложите, как положено!
– Есть! – Шурик сказал. И выдал: – Товарищ капитан, справа по борту лиса!
– Ты чего? – Корюшкин удивился. – Какая в океане лиса? Ты что, перегрелся?
– Нет! – Шурик головой замотал. – Честное слово, лиса! – и снова забыл Шурик, что он – матрос. – Смотри-смотри! Вон она!
...Лиса бежала со стороны леса. Через поле, краем огорода дедушки Вани. Прямо к курицам, что гуляли возле избы.
И не успели Корюшкин с Шуриком сообразить, что же им делать, как хищница уже сделала своё чёрное дело – вцепилась в крыло одной из домашних птиц.
Страшный крик пронёсся над улицей!
Разноцветный ураган со всего размаху налетел на лисицу!
И, конечно же, ураганом был Петька.
Обрадовался Корюшкин: получит сейчас воровка своё!
И Шурик обрадовался.
Но получилось всё не так, как хотелось бы.
Со всеми домашними дедушки Вани справлялся Петька. Однако ж лиса дикая была, не домашняя. Петьку она не испугалась.

Вместо того чтобы убежать обратно в лес, лиса выпустила курицу и схватила петуха. Причём прямо за клюв. То ли промахнулась, то ли решила избавиться от самого страшного Петькиного оружия.

– Шурик! Надо Петьку выручать! – скомандовал Корюшкин и первым покинул корабль. То есть крышу.

Но спасать Петьку Корюшкину и Шурику не пришлось.

Не успели.

Потому что!

Из огорода, сквозь неприметную щель в заборе, на улицу выскочил Тимка.

Почему он решил помочь Петьке, никто и никогда не узнал.

Но так уж вышло.

Помог.

Хотя...

Даже на вид Тимка был меньше лисы в два раза. Зато не рыжий, а чёрный. И умел лаять. Как настоящая собака. И кусаться Тимка тоже умел.

Сказал Тимка «Гав!», подлетел к лисе и как вцепится ей в хвост!

Лиса пасть раскрыла, на Тимку оглянулась.

Почувствовал Петька, что клюв его на свободе, прицелился да как клюнет лисицу в нос!

Лиса на Петьку, а Тимка её сзади опять – раз! – всеми зубами!

Лиса на Тимку, а Петька её спереди снова – раз! – в нос!

Лиса – на Петьку!

Тимка – за хвост рыжий!

Лиса – на Тимку!

Петька – в морду наглую!

Куда лисе деваться – хвост висит, нос болит! – бежать

только. Еле-еле спаслась. Так к лесу рванула, что самый быстрый конь позавидовал бы.

Тут и Корюшкин с Шуриком к концу дела подоспели.

Глянул Петька на друзей, перья распушил, крылья – в стороны, но... и шага не сделал, Тимка его предупредил сразу же.

– Р-р-р! – сказал.

Негромко сказал, но – понятно.

Глянул Петька на Тимку – крылья сложил, пёрышки прибрал и отправился курами командовать. А Корюшкин с Шуриком – Тимку хвалить да гладить!

...Вечером дедушка Ваня с Декабрей с пастбища возвращался.

Увидел петух корову, решил и ей показать, кто в доме хозяин. Но только перья распушить и успел.

– А если я Тимку позову? – Корюшкин строго у Петьки спросил.

Петька тут же к курицам и вернулся.

Дедушка Ваня глазам не поверил:

– Не может быть! – сказал.

И Декабря тоже удивилась. Только совсем другое слово произнесла. Вот такое вот слово, длинное:

– Му-у-у!

Наверное, она хотела сказать: «Так вот кто у нас теперь в доме хозяин!»

Глава 11. **УМНАЯ**

Вечером за ужином дедушка Ваня объявил:

– Завтра нам общественное стадо пасти.

– Ох, ты мнешеньки! – бабушка Маша руками всплеснула. – Да неужто срок подошёл? Да как же я-то пойду?

У бабушки Маши были больные ноги. С зимы. Бабушка

Маша ходить далеко и долго не могла. А коров надо было пасти. Их собиралось очень много. Со всей деревни. И ещё со станции. И ещё с выселок – из небольшой такой деревушки, которая неподалёку от настоящей деревни стояла. В общем, двести с лишним коров получалось – вот сколько!

Каждый год все деревенские жители, и со станции, и с выселок, ходили стадо пасти. По очереди. На пастбище. Далеко. За несколько километров. Через поле, через железную дорогу, через лес.

На большое стадо полагалось много пастухов – шесть. По два человека от трёх семей. Вот и выходило, что дедушка Ваня должен был идти вдвоём. А как вдвоём, если бабушка Маша не могла?

И тогда Корюшкин себя предложил. Робко, потому что немного стеснялся. Но уж очень ему хотелось что-нибудь полезное для дедушки Вани и бабушки Маши сделать! Потому и предложил:

– А, может, я помогу?

И дедушка Ваня согласился!

И только бабушка Маша опять руками завсплёскивала, затараторила:

– ОйДаКакЖеМыГостяДорогогоГородскогоРаботой-НагрузимЕмуЖеОтдыхатьНадо!

Уже уходя спать – на сеновал – Корюшкин услышал, как дедушка Ваня бабушке Маше сказал про него:

– Хороший он парень. Умный. Добрый.

Корюшкину это понравилось. А не понравилось то, что вставать нужно было очень-очень рано. С петухами. То есть как Петька прокричит...

Ночью прошёл дождь. Сильный.

Земля намокла. Стала скользкой.

Никакой другой обуви, кроме белых кроссовок и лёгких шлёпанцев, у Корюшкина не было. С одеждой проще, тем более что дождь закончился, и день жарким обещался: джинсы, футболка. Ну, бейсболку на голову. С обувью же – беда! Хоть дома оставайся.

Дедушка Ваня под лавкой в сенях пошарил, достал оттуда нечто.

– Вот, калоши надевай! Бабушки Маши они. Запасные. У вас размер один. Могу, правда, свои сапоги резиновые дать, но ты в них или утонешь, или вываливаться из них на каждом шагу будешь!

Не хотел Корюшкин калоши надевать. В такой обуви – позориться только! Калоши старые, древние! Однако... А кто тогда на пастбище пойдёт? Правило для всех пастухов такое: вдвоём от хозяйства!

Надел Корюшкин калоши.

Дедушка Ваня в коровник зашёл, Декабрю вывел. Взял со стены во дворе верёвку, на ремень похожую, – вожжи. Одним концом вожжами рога Декабри зацепил, другой конец Корюшкину подал:

– Веди!

– Я?! – Корюшкин счастью такому не поверил и про калоши моментально забыл. – Сам?! Декабрю?!

По деревне Корюшкин шёл как герой. Как взрослый человек. Впереди Декабри, на Декабрю строго оглядываясь да покрикивая:

– Давай-давай, пошевеливайся!

В деревне по утру коров до пастбища все отводили сами. И вечером коров сами забирали.

С каждого двора кто-нибудь да вёл корову. Все дедушку Ваню знали. Все, глядя на Корюшкина, удивлялись, спрашивали. У дедушки Вани:

– Это кто это у тебя такой важный? Да неужели вместе с тобой пастушить?

И дедушка Ваня отвечал:

– Племянник это мой внучатый. Или внучок племянчатый! – рукой махал. – Со мной идёт, помогать будет. Умница он у нас!

Дедушка Ваня спешил. Ему надо было раньше всех к пастбищу прийти.

За дедушкой Ваней спешил и Корюшкин.

И Декабря не отставала, головой только потряхивала, будто вожжи ей мешали.

Скоро вся троица остальных деревенских обогнала, деревню миновав, полем прошагала-протопала и очутилась возле железной дороги.

Под железной дорогой тоннель был.

Тоннель был не такой, как в городе – весь в камне да заасфальтированный. Так – будто труба огромная, а вместо асфальта земля обыкновенная.

Правда, земли видно не было. После дождя в тоннеле вода стояла – огромная, как море или озеро, лужа. Грязная.

– Да... – дедушка Ваня перед тоннелем остановился, туда-сюда глянул. – Низом нам не пройти. Придётся через рельсы. Тропку видишь?

Тропку Корюшкин видел. Она от дороги на склон железнодорожной насыпи поднималась и терялась высоко-высоко.

От дороги до рельсов железнодорожных, что на насыпи лежали, – вверху! – метров десять, наверное, было. Хотя, может, и меньше, просто Корюшкину так показалось: десять, и всё тут!

– Ну, давай, за мной! – дедушка Ваня скомандовал, и первым на насыпь подниматься начал.

Что Корюшкину оставалось делать? Только следом идти.

А Декабря?

Декабря – за Корюшкиным, у него же ремень-вожжи, он же тянет!

Вот только тянул Корюшкин Декабрю за собой, тянул... А как до рельсов поднялся, так и встала Декабря.

Дедушка Ваня пути железнодорожные перешёл, с другой стороны насыпи остановился.

– Ну, давай! – Корюшкин скомандовал, сильней за ремень потянул.

Но Декабря и шага не сделала.

– Да что же ты! – Корюшкин на корову обиделся. Прикрикнул: – Шагай! Кому говорю?

Но Декабря всё равно на месте осталась.

– Ах, так?! – Корюшкин рассердился, ещё шаг к рельсам сделал, ногами в насыпь упёрся...

А Декабря возьми да и мотни головой. Да так здорово, что Корюшкин на ногах не устоял – покатился с насыпи вниз, в траву густую да мокрую.

Поднялся: с волос из-под бейсболки капает, футболка с джинсами сырые насквозь, в калошах вода, в душе злости – через край!

А из-за поворота, что над тоннелем, гудок поезда громкий, страшный и – тук-тук-тук-тук! Тук-тук-тук-тук!

Раз тридцать тук-тук-тук-тук – поезд пассажирский. Скорый. Вагонов пятнадцать. На скорости. Только ветер от него и вся насыпь ходуном!

У Корюшкина злость – из души. Как появилась, так и пропала.

Подошёл он к Декабре, в глаза её тёмные, бездонные почти, заглянул и спросил:

– Ты поэтому не шла? Знала, что поезд идёт?

– Му-у! – Декабря ответила и головой качнула, мол, да, так и есть.

– Какая же ты умная! – только и смог Корюшкин на это сказать.

А про себя он ещё раз решил: как вырастет, так обязательно корову себе заведёт!

Глава 12. ВРАГИ И ДРУЗЬЯ

Пастухов, кроме дедушки Вани, было ещё четверо.

Горбатая старушка, согнутая буквой «Г», Корюшкина напугала. Не только своим видом, но и голосом. Голос у неё был ржавый, скрипучий, как у Бабы-яги из старых фильмов. А когда она засмеялась чему-то, у Корюшкина по спине пробежали холодные-прехолодные мурашки.

Внучка у старушки Корюшкину тоже не понравилась.

Сама девчонка года на два на три старше Корюшкина выглядела – всего ничего! Но на Корюшкина смотрела свысока, да ещё так зло, что и не подходи вовсе!

Правда, сперва Корюшкин решил проявить себя с лучшей стороны и даже познакомиться с девчонкой. Однако у него ничего не получилось.

– Привет! – сказал Корюшкин. – Я – Корюшкин. Вообще-то у меня есть имя – Михаил, но все зовут меня по фамилии. – А затем он спросил. У девчонки: – А тебя как зовут?

Вот тогда девчонка и глянула на Корюшкина злыми-презлыми глазами – будто насквозь пронзила! – и отвернулась. И ушла. К бабушке своей.

Старшим из пастухов был дед Петро. Так его дедушка Ваня называл.

У деда Петра был настоящий пастуший кнут, и он им здорово щёлкал по траве, по воздуху, по кустам – будто из

винтовки стрелял. Или из пушки. Из маленькой пушки.

А шестым пастухом был Серёга, внук деда Петра.

Он был старше не только Корюшкина, но и девчонки со злыми-презлыми глазами.

Серёга Корюшкину сразу понравился. Он первым к Корюшкину подошёл, руку, как взрослый, протянул, «Здорово!» – сказал. А когда стадо заученной дорогой через луг в лесок небольшой двинулось, предложил ягодное место показать.

– Там земляника уже во какая! – Серёга сложил из пальцев большую букву «О» и закатил глаза. – А сладкая-то!

Ягодное место оказалось в двух шагах от того, где стадо собиралось.

– Да где же тут земляника может быть? – удивился Корюшкин.

– Эх, ты! Городской! – усмехнулся Серёга. – Пониже наклонись!

И Корюшкин наклонился. И тут же полетел в траву. И шлёпнулся! Прямо рядышком с коровьей лепёшкой!

А земляники там никакой не было.

Вскочил Корюшкин на ноги, кулаки сжал... Но Серёга руку ему на плечо положил, улыбнулся как будто:

– Шутка! Не обижайся! – И тут же в карман штанов полез и пачку папирос достал: – Кури! Угощаю!

– Я не курю! – сказал Корюшкин. – Это дело дурное.

– Чем дурное? – возмутился Серёга. – У нас в деревне все курят! С трёх лет! Вон даже Анька курит! – Серёга мотнул головой в сторону девчонки со злыми-презлыми глазами, а потом закричал: – Анька! Иди сюда!

Однако девчонка даже голову на крик не повернула.

– Гордая! – сказал Серёга. – У неё семья – богатеи! Денег – куры не клюют! Она нашими папиросами брезгует.

У неё дома сигары настоящие! С Кубы. Знаешь, где Куба?

Где Куба, Корюшкин знал, но курить всё-таки отказался. У него дома ни папа, ни мама не курили. Они про курение говорили так: «Дурное дело не хитрое. Курить – свой организм травить и другим житья не давать дымом».

Серёга и дальше уговаривал бы Корюшкина закурить, но тут дед Петро, который с остальными пастухами далеко впереди шёл, мальчишкам команду подал, крикнул:

– Эй, ребята! Коровы отстали! Подгоните!

Корюшкин огляделся и, действительно, увидел трёх коров, отбившихся от стада. Они почему-то не хотели идти вместе со всеми в лесок, а остались на лугу.

– Идём? – спросил Корюшкин у Серёги.

– Я курю! – важно ответил тот. И предложил: – Сам справься!

– А как? – Корюшкин пожал плечами, ведь, как подгонять коров, он не знал.

– Городской! – Серёга затянулся, затем смачно сплюнул, прищурился. – Подходишь к корове, дёргаешь её за хвост, она оглядывается, ты ей командуешь куда идти.

– А она послушается? – не поверил Корюшкин.

– Побежит даже! – свысока успокоил Серёга.

И корова, действительно, побежала. Только не за другими коровами, за всем стадом, а за Корюшкиным. Голову опустила, рога выставила и ка-ак пошла! На Корюшкина.

И Корюшкин от неё ка-ак рванул!

И поскользнулся!

И со всего размаху – в траву!

И опять с коровьей лепёшкой рядышком!

А корова...

А корова вдруг остановилась. Прямо в шаге от Корюшкина. За спиной. И всё.

Приоткрыл Корюшкин глаза, от страха закрытые, и увидел рядом с собой Аню. У девчонки в руках прут был – крепкий такой, длинный. Она этим прутом корову и остановила. И дорогу указала – к стаду.

«И как она успела до нас добежать?» – Корюшкин про Аню подумал.

А Серёга в это время хохотал – заливался прямо-таки. В сторонке. Про Корюшкина:

– Ой, чудик городской! Ой, не могу прямо! Ой, корову за хвост! – И про Аню Серёга заливался тоже: – А эта-то! Эта! Сестра милосердия! Ты с него рублик возьми, бублик купишь! А то ведь с голоду помрёте с бабкой-то!

Корюшкин, честно говоря, ничего не понял – ни про рублик, ни про бублик.

Зато Аня, видимо, поняла. Вспыхнула вся лицом, краской залилась. А в глазах у неё будто молнии блеснули!

Взмахнула Аня прутом и на Серёгу пошла. Да только как с ним справишься: он же и старше, и выше, и сильнее.

Вырвал Серёга прут, в сторону бросил, руку девчонке завернул, к земле склонил:

– Скажи словечко! Скажи два! А не скажешь, я тебя в грязь макну!

Корюшкину это здорово не понравилось. Не по-мужски это – девчонок обижать. Так только нехорошие люди поступают, а сильный человек над слабым никогда издеваться не станет, он, наоборот, слабого защитит!

– Отпусти! – Корюшкин Серёге сказал.

– А то что? – Серёга в ухмылке нехорошей скривился.

– Ударю! – пообещал Корюшкин.

– Ты?! Меня?! – Серёга возмутился, про Аню забыл, отпустил её и на Корюшкина двинулся. – Ах ты, сопля городская!

Замахнулся Серёга кулаком здоровенным да вдруг как взвизгнет! Прямо как девчонка! Как подскочит!

А это Аня. Прут подобрала и Серёге по мягкому месту ка-ак приложила!

Развернулся Серёга и на девчонку с кулаками кинулся.

Но тут уж Корюшкин не растерялся – взял и ногу выставил.

Подножка, в общем, получилась. Причём что надо – подножка!

Шлёпнулся Серёга на землю, прямо туда, куда Аню обещал макнуть, и ругаться принялся. Нехорошими словами.

Ругался бы и дальше, да дед Петро подошёл: «Опять?» – спросил. Серёгу за шиворот поднял, вперёд себя толкнул: «Иди, делом займись!»

Серёга и ушёл, только всё равно издалека кулак показывал. И Корюшкину, и Ане, и обещал: – Я вам ещё припомню!

Так у Корюшкина враг появился.

И друг появился тоже.

Точнее, подружка.

Аня Корюшкина в щёку поцеловала. В правую. И совсем не так, как когда-то Лена Каретова: в щёку, в левую, в школе. Лена на спор поцеловала. Аня же, наверное, в благодарность Корюшкина чмокнула. За то, что Корюшкин защитить её хотел.

Вот так.

Бывает.

Глава 13. БЕДЫ И РАДОСТИ

На другой день Корюшкину стало грустно. Так грустно, что после завтрака ушёл он в огород, в баню, к Тимке – сел там, прижал к себе пса и сказал:

– Беда мне, Тимка! Я по родителям соскучился! И по дедушке с бабушкой!

И Тимка завыл. Наверное, он тоже успел соскучиться по своим большим хозяевам, по городу, по коту Кузьме, по попугаю Иннокентию Петровичу и хомячку Тимону.

Так бы и сидели они, Корюшкин да Тимка, плакали бы вдвоём – кто тихо, кто громко – да вдруг!

Вдруг – стук!

В дверь бани стук.

И тишина следом.

Корюшкин глаза округлил, на Тимку посмотрел – кто бы это мог быть?

У Тимки глаза и без того круглые. Тоже на Корюшкина посмотрел с удивлением.

Выскочили они оба из бани, а в огороде и нет никого! Ни дедушки Вани! Ни бабушки Маши!

И только на приступочке у входа в баню венок красивый. Из цветов всяких-разных. На голову.

«Аня была!» – догадался Корюшкин. И вспомнил прошлый день...

Если бы не Серёга, его пакости мелкие, коров пасти – одно удовольствие.

Природа кругом – деревья разные, цветы. Птицы поют – заслушаешься! Дедушка Ваня всё объясняет: что за птица, как это дерево называется, как то, про травы рассказывает.

И бабушка Сима, Серафима то есть, бабушка Ани, не такой страшной оказалась.

Да и Аня вовсе не злюкой была.

Дедушка Ваня Корюшкину потом рассказал, что вовсе они не богатеи. Что Аня никаких сигар не курит. Что бабушка Сима с детства такая – с болезнью родилась. Для людей смех, а ей – горе, вот и стала пугать-стращать всех:

видом да голосом. Хотя дочка у неё родилась – красавица. На лицо красавица, а на душу... Тоже вот Бог не так пометил. Дочка, как выросла, так в город уехала, а через время Аню в деревню привезла. Вроде, подарок, да подарок-то не в радость. Всем хороша, а голоса нет. Немая. Слышать – слышит, говорить – не может.

Лечить Аню денег не нашлось. Мать её, дочь бабушки Симы, снова из деревни уехала и пропала будто. Не появлялась больше в деревне.

Отец Анин... Да про него никто и не знал, не слыхал ни разу!

Жили бабушка да внучка бедно. Из богатства всего одна корова да огород.

Когда пастухи обедать сели, Корюшкин сам увидел, кто что ест.

У них с дедушкой Ваней в сумке пироги оказались. А у бабушки Симы с Аней картофель варёный да огурцы солёные.

Дедушка Ваня пирогами поделился. Корюшкин конфет, что бабушка Маша ему дала, для Ани не пожалел.

Аня потом, вечером уже, когда коров из стада хозяева забирать стали, тоже пообещала Корюшкину подарок подарить.

Как пообещала?

Ясно дело, не словами.

Она прутиком на земле написала.

И вот он – подарок! У бани оказался. Венок красивый. Из цветов разных, вместе сплетённых, один к одному: приглядываться – и не поймёшь как, мудрёно.

Корюшкин так подарку неожиданному обрадовался, что запрыгал. На одной ножке. А затем на другой.

И Тимка тоже запрыгал. Мол, чего грустить? Жизнь, она

вон какая хорошая, как деревня! В ней всё есть! И косточки мясные, и суп, и трава, которую собаки тоже иногда едят.

Затем Корюшкин прыгать перестал. Призадумался.

Вот надо же! Была беда, а стала радость. Интересно как!

А может, любую беду можно в радость перевести? Ведь если подумать хорошенечко, то ничего страшного в том, что Корюшкин по родителям соскучился, нет. Ведь всё равно родители домой вернутся! Значит, радость у него ещё впереди!

А вот у Ани этой радости нет. Она родителей своих никогда не видела. И, может быть, никогда не увидит! Вот беда так беда!

«Надо Ане помочь как-нибудь! – решил Корюшкин. – Правда, её беду в радость превратить сложно. Но скрасить её чем-нибудь можно!»

И помчался Корюшкин в избу.

Хорошо сказать – помчался. Рванул – и на землю шлёпнулся, за доску кроссовкой зацепился

Плохо? Больно? Беда? – нет!

Ругаться? – ну, это без толку, никто не виноват.

Больно? – так ведь пройдёт!

Беда? – какая же это беда, если Корюшкин рядом с грядкой с викторией шлёпнулся!

Там, на грядке, на кустике одном, под листочком, такая ягода висела! Огромная, просто яблоко! И ещё красная и сладкая! Таких ягод даже в самых лучших ягодных снах не встретишь!

Так что съел Корюшкин ягоду, вскочил на ноги и дальше помчался. Сначала в избу заскочил, из своего ранца кошелёк с карманными деньгами достал, взял, сколько нужно. Затем из избы в магазин деревенский поспешил, к витрине с канцтоварами. А уж потом из магазина отправился

Корюшкин к Ане. И подарок ей сделал: десять маленьких блокнотиков разных, с картинками красивыми, и ручку с карандашом. Чтобы Аня могла с ним разговаривать, ведь они же теперь друзья стали. А друзьям всегда есть о чём поговорить! Неважно, что один из них языком говорить будет, а другой в блокнотике писать станет.

– Любую беду можно в радость превратить! – сказал Корюшкин Ане. – Это я сегодня понял. Не веришь?

Аня плечами пожала и улыбнулась так, будто ответила: «Не знаю. Но тебе, Корюшкин, я верю!»

Глава 14. ТИМКИНА

Самое лучшее место в деревне – крыша избы дедушки Вани.

Во-первых, когда ты на крыше, к тебе небо ближе. А когда на небо смотришь, в голове мечты – тысячами! – летают. И лётчиком себя представить можно, и моряком, и птицей, и рыбой! И письмо родителям написать – запросто! На облаках. Правда, письма невидимыми получаются. Но ведь всё равно облака до родителей долетят когда-нибудь!..

Когда ты на крыше, то – во-вторых: дедушка Ваня и бабушка Маша, когда им Корюшкин нужен – позавтракать, пообедать или поужинать, – сразу знают, где Корюшкина искать.

В-третьих, с крыши всё видно: кто куда пошёл, кто откуда возвращается и что с собой несёт.

В-четвёртых, с крыши можно за Тимкой наблюдать и хихикать тихонечко. Над кем? Над Тимкой.

Тимка, как в деревню приехал, как в бане поселился, так на улицу почти и не выходил. Ну, несколько раз всего – было. Когда петуха Петьку от лисы спас, например.

А по другому поводу Тимке на улицу не хотелось.

Собаки в деревне и, правда, злыми были. И все как на подбор – крупные. Мелких не было почти. На людей они, понятное дело, полаивали иногда, но бросались только на тех, кто им не нравился. А вот друг дружку собаки не любили – каждый день ссоры-драки затевали.

Тимке ли с его ростиком, хвостиком да голоском писклявым до драк собачьих?

То ли дело огород!

Огород у дедушки Вани – поле огромное. И лес, если кусты да деревья считать – яблони, вишни, сливы, облепиху, смородину чёрную, красную, белую и ещё много чего.

По огороду кто только не ползает, не прыгает: червячки разные, кузнечики зелёные. Да ещё бабочки над огородом летают и... мухи!

Один раз одна муха Тимку достала просто! Раз на хвостик собачий села, другой...

Тимка зубами – цоп! – и мимо. Цоп! – снова и снова не поймал.

А мухе поиграть вздумалось. Она и на спинку Тимкину садилась, и на уши – то на левое ухо, то на правое... На нос не садилась, на нос опасно – с носа Тимка лапой муху мог сбить. С другими мухами так было, и эта, наверное, всё видела и запомнила.

Прыгал Тимка, крутился-вертелся, лаял – всех собак в округе всполошил.

Мухе так играть – одно удовольствие. Но и этого мало. Решила над Тимкой пошутить – вдоль борозды полетела. Вдоль картофеля. Причём сперва не быстро полетела, а замед-лен-но.

Помчался Тимка за мухой. Азарт его взял; муха-то – вот она, рядышком, перед носом. Только что в зубы не даётся!

А муха ускоряться начала.

Вот и понеслись они: впереди муха, за ней Тимка.

Гряда картофельная длинная, но всё равно конец имеет. А в конце кусты малиновые. Малина – ягода вкусная, но на кустах на ветках у малины колючки растут. Острые!

Разогналась муха до сверхзвуковой скорости и ка-ак повернёт в сторону!

Резко!

Внезапно!

Тимка со всего размаху в кусты малиновые и залетел!

Корюшкин так хохотал, что с крыши чуть не свалился. Хотя с крыши ему слезать всё равно пришлось.

Тимку пожалел.

Тимка так плакал! Ему столько колючек в нос попало, что Корюшкин на некоторое время просто ветеринарным врачом стал – операцию проводил. На Тимкином носу. Колючки доставал.

Тимка теперь мух на дух не выносил. Охотиться на них стал. Только муха куда поближе сядет, Тимка тут как тут, зубами – хвать! – и на следующую охотится.

Смотрел бы и смотрел Корюшкин на Тимку, но появился у избы дедушки Вани Шурик. Снизу поздоровался, а затем и сам на крышу к Корюшкину забрался. Похвастаться. Монетку ему, видите ли, красивую в магазине на сдачу подарили: с одной стороны цифры, с другой – портрет первого космонавта Земли Юрия Гагарина.

Вот только не успел Корюшкин у друга монетку в свои руки попросить, ветер сильно дунул.

Шурик непрочно на крыше сидел, поэтому ему руками за крышу схватиться пришлось.

Монетка возьми и упади. Из рук на крышу. С крыши на землю.

А куда точно? В огород! На грядки!

А на какие грядки? На картофельные или на ягодные? А может, и вовсе под избу закатилась?

Никто не видел, куда монетка упала!

Шурик расстроился. Корюшкин – тоже расстроился. За компанию.

Монетку они вдвоём минут двадцать искали. Или больше.

Тимка прибежал. Почему-то Шурику стал помогать – у него под ногами, под руками крутился, лизнуть несколько раз хотел. В нос. Или в щёку. Всё равно куда.

Шурик ругаться стал. На Тимку.

– Что ты мне мешаешь? У меня горе, я денежку потерял, а ты тут под ногами путаешься!

– Стоп! – Корюшкин тут сказал. Шурику сказал: – А ты знаешь, что Тимка у меня пёс не простой, а учёный?

– Цирковой он у тебя, – Шурик ответил. – Это я знаю. А учёных собак не бывает.

– Ах, не бывает?! – Корюшкин возмутился. – Смотри тогда! Задай задачку какую-нибудь математическую, и Тимка тебе ответит!

– Ну, сколько будет дважды два? – Шурик спросил и усмехнулся, мол, какая собака с умножением справится!

Но Тимка, прямо как в электричке, точно-точно ответил: четыре раза «Гав!» сказал.

– Не может быть! – Шурик изумился, чуть в крапиву огородную не сел.

Пришлось Корюшкину секрет фокуса с математикой раскрыть.

Всё просто: считает не собака, а дрессировщик, он подаёт собаке сигналы, ровно столько, сколько раз нужно пролаять. Обычно дрессировщик пальцами щёлкает. Незаметно для всех – только собака слышит. Корюшкин

Тимке не щёлкал, он просто одним пальчиком шевелил, а чтобы Тимка лаять переставал, Корюшкин пальцы в кулак сжимал.

Вот как!

– Ну, здорово! – Шурик таланту Корюшкина как дрессировщику восхитился. И головой поник: – А при чём здесь Тимка и моя монетка?

– А у тебя ещё деньги с собой есть? – Корюшкин спросил.

– Есть, – ответил Шурик и из кармана джинсов ещё одну монетку достал.

– Нюхай! – приказал Корюшкин Тимке.

И Тимка монетку понюхал.

– Ищи! – приказал Корюшкин.

И Тимка стал искать: мордочку к земле опустил, носом пошевелил... И как примется грядку рыть! Картофельную. Земля в разные стороны полетела! В Шурика! В Корюшкина! В мух, которые в это время над огородом пролетали, и...

Минуты не прошло, откопал Тимка монетку!

Замечательным Тимка сыщиком оказался!

Классным!

Просто супер!

Вот только монетка...

Монетка не той оказалась.

Когда Шурик с Корюшкиным её отмыли, оказалось, что ей уже пятьдесят лет.

– Старинная! – Корюшкин сказал. – Хоть в музей отдавай.

– Молодец, Тимка! – Шурик пса похвалил. – Только не та монетка. Ты ещё поищи! Ты ведь умница!

Тимка головой покивал, насчёт умницы согласился и

принялся другую грядку рыть. С викторией.

И снова земля в разные стороны летела.

И снова Шурик с Корюшкиным радовались.

Ещё бы!

Тимка им вторую старинную монету нашёл.

Ну, не совсем старинную, ей только двадцать лет было, но всё равно – не новая.

За час – почти час, чуть поменьше! – Тимка несколько грядок вскопал, пять гвоздей ржавых разного размера, два шурупа, четыре денежки металлические нашёл да всё не те, не с Гагариным.

Шурик с Корюшкиным ахали только, и бабушка Маша с дедушкой Ваней диву такому давались: собака ведь Тимка, а нос у него чисто миноискатель, который на все металлические предметы реагирует!

И все грядки перепаханные Тимке простили. Тем более что он неглубоко копал и растения сохранять пытался – стебельки и корешки не трогал.

А монету Шурика, с космонавтом Гагариным, Петька нашёл.

Монета с крыши, оказывается, не в огород скатилась, а на улицу. Там её петух дедушки Вани и подобрал – в клюв схватил и по всей улице бегал, курицам показывал, хвастался, что у него теперь есть. Гордый такой, как банкир-миллионер.

Только курицы находку не одобрили: монетка ведь не червяк, её не съесть. Значит, не нужна она.

Поэтому Петька монету Шурику без разговоров отдал. Когда Шурик попросил, а Тимка на Петьку очень серьёзно посмотрел.

Куда без Тимки с Петькой справиться!

Тимка — он такой!

Глава 15. ХРАБРАЯ БАБУШКА МАША

Дедушка Ваня ещё с вечера предупредил, что на другой день они в лес пойдут. Не по грибы. Не по ягоды лесные. Хотя говорили уже, будто и те, и другие появились, ведь нынче и май жарким был, и июнь от него не отстал.

Дедушке Ване нужно было траву на лесных полянах посмотреть.

Когда-то и кем-то эти поляны ему были выделены для Декабри. Кем – Корюшкин не понял, слова сложными оказались. А дедушка Ваня эти слова так произнёс:

– Сельсоветом через райисполком мне поляны дали.

На полянах росло много травы. Траву косой скашиваешь-срезаешь, трава под солнышком сохнет, ветром обдувается – получается сено, коровий корм на зиму. И не только коровий, ещё и телячий. И для свиней сено шло, на подстилку – не по голому же полу, по доскам, им ходить!

Полян у дедушки Вани в лесу было несколько: одна километрах в пяти от деревни, вторая рядышком, третья – ещё шагать, а четвёртая и вовсе далеко!

...С утра дедушка Ваня отвёл Декабрю на пастбище, сам назад вернулся.

Бабушка Маша к тому времени шанежек напекла и Корюшкина разбудила.

Корюшкин сразу же у дедушки Вани косу потребовал.

Коса – это такой инструмент, которым траву, к земле не нагибаясь, режут. У неё длинное острое лезвие и длинная-предлинная палка, на которой это лезвие держится.

Но косу дедушка Ваня Корюшкину не дал. Сказал, что Корюшкин для косы пока ещё мал.

Тогда Корюшкин потребовал, чтобы ему грабли дали.

Грабли – это такой инструмент, которым срезанную траву, будущее сено, ворошат – переворачивают, чтобы скорее

сохло, и в кучу собирают. Грабли не железные, деревянные. У них много-много зубчиков-палочек, деревянных, и рукоятка – палка длинная-предлинная – как у косы.

Но грабли Корюшкину бабушка Маша не дала. Она тоже в лес собралась, дедушке Ване помогать. А идти ей тяжело. Поэтому сказала бабушка Маша так:

– Дорога дальняя, устану я. Потому на грабли, на черенок опираться буду. Они мне подпорой станут!

– А что же тогда возьму я? – возмутился Корюшкин. – Я что, опять вам ничем не помогу?

– Ну почему же? – улыбнулся дедушка Ваня, бабушке Маше хитро подмигнул, и та Корюшкину большую сумку вручила. С едой – шанежками картофельными и литровой банкой молока.

И ещё Корюшкину трёхлитровый бидончик с квасом достался. Квас по жаре пить – милое дело!

На лесные поляны отправились так: впереди дедушка Ваня, следом Корюшкин, за ними бабушка Маша.

Тимка дома остался, огород охранять. От мух.

Избу закрыли на замок большой. Висячий.

Мимо огорода своего прошли, дорогу неширокую миновали – по ней редко кто ездил. Возле строения какого-то, на баню похожего, только размером раза в два побольше, с дверью заколоченной, протопали.

В поле, которое деревню от леса отделяла, клевер рос. Специальная такая трава. Кормовая. Еда для коров.

Дедушка через поле аккуратно шёл, чтобы клевер слишком не потоптать.

И всё бы хорошо было, да вот, когда в лес все зашли, на Корюшкина комары нападать стали.

Лес – это не сеновал с травами бабушки Маши, которые комаров запахом отгоняли.

Дедушка Ваня посмеивался:

– Чувствуют, кто здесь слаще!

– Чем это я слаще? – Корюшкин возмущался.

– Ну, как же! – дедушка Ваня отвечал. – Я уже старый, бабушка Маша тоже не молода. А у тебя кровушка свежая, сладкая, из города привезённая! Вот комары на тебя-то и липнут.

Впрочем, хоть и посмеивался дедушка Ваня над Корюшкиным, но ветку с дерева он срезал.

Зачем ветку срезал?

Чтобы Корюшкин от комаров ею отмахиваться мог.

Что Корюшкин и сделал.

Сумку с шанежками на плечо левое повесил, бидончик в руку, тоже левую, взял, ветку – в правую... И так махать принялся – комары от него во все стороны тут же шарахнулись!

Ещё бы! Кому хочется здоровенной веткой по носу длинному получить! Или по крылышкам...

После того как комары от Корюшкина отстали, лес Корюшкину показался необычайно красивым.

Мало того, что деревья – ели, сосны, осинки редкие и даже берёзы! – до неба росли, так в лесу ещё и цветов всяких хватало. А растения-пиканы? Они размером на деревья похожи были, хоть и травой их дедушка Ваня называл.

В общем, Корюшкин и не заметил, как пять километров по лесу протопал.

Дорожка лесная, тропка вдруг повернула резко и все деревья будто в стороны разошлись, за спиной остались.

– Вот это поляна! – только и смог Корюшкин произнести.

Поляна была така-ая! Такая больша-ая!

Корюшкин сумку в траву поставил, бидончик с квасом –

рядышком. Огляделся – палку, ветку старую сухую, подобрал, в руль её мысленно превратил, сам мотоциклом стал. На время.

Завёл сам себя:

– Дрын-дын-дын-дыдын! – и помчался по краю поляны! Кругом!

Сперва на первой скорости, затем на второй, потом на третьей... А уж когда четвёртую скорость Корюшкин включил, трава у него перед глазами замелькала так, что стеной сплошной стала.

И хоть мчался Корюшкин на четвёртой скорости – с ветерком, – всё равно, когда до дедушки Вани с бабушкой Машей доехал, сил у него уже не оставалось.

Свалился Корюшкин в траву рядом с сумкой и бидончиком – ноги-руки в стороны, глаза к небу:

– Уф-ф!

– Устал? – спросил дедушка Ваня.

– Не-а! – Корюшкин головой мотнул. – Бензин закончился!

– А ты подзаправься! – бабушка Маша тут же бидончик с квасом открыла, кружку из сумки достала.

И Корюшкин заправился!

И дальше поехал.

По тропинке между елями.

На вторую поляну.

Там трава ещё выше, чем на первой была.

Выше Корюшкина!

Дедушка Ваня траву немного покосил, довольным сделался, трава ему понравилась. Бабушкой Машей покомандовал:

– Ты травку сейчас раскидай душевно, чтобы она подсохла, как следует. Через день приду, соберу. Декабре на пробу.

И бабушка Маша стала граблями работать – траву под солнышко получше укладывать.

А дедушка Ваня с Корюшкиным на следующую поляну пошли.

И ведь только-только на тропочку встали, и ведь метров десять всего по лесу густому прошли – как вдруг!

Корюшкин и не подумал бы, что бабушка Маша так кричать может!

А бабушка Маша закричала!

–А-а-ай-ой-ай-а-а!

Так громко!

Так сильно!

Так долго!

Корюшкин про мотоцикл забыл, палку-руль, как дубинку схватил, назад помчался.

Дедушка Ваня – косу свою наперевес – туда же!

На поляну выскочили…

А бабушка Маша уже не с краю, не там, где дедушка Ваня траву скосил, а прямо в центре поляны, в траве густой стоит. За грабли держится и кричит:

–А-а-ай-ой-ай-а-а!

И только когда Корюшкин с дедушкой Ваней рядышком оказались, замолчала бабушка Маша. И рукой дрожащей на лес показала:

– Там!

– Что там? – дедушка Ваня не понял.

– Там! – бабушка Маша повторила, за грабли держась – крепко-крепко.

– Что? – и Корюшкин не выдержал.

Но бабушка Маша ещё минут пять ничего кроме «Там!» сказать не могла. А вот когда смогла…

Оказалось, что, когда дедушка Ваня с Корюшкиным

на новую поляну отправились, из лесу к бабушке Маше медведь вышел. Настоящий! Бурый! Который в лесу живёт, а не в зоопарке!

И бабушка Маша, когда медведя увидела, так закричала, что даже не заметила, как в центре поляны оказалась.

– А медведь? – Корюшкин спросил.

– А что медведь? – дедушка Ваня усмехнулся. Он уже к тому месту, откуда медведь выходил, прогулялся и обратно вернулся. – Медведь бабушкиного крика так испугался, что нескоро на это место вернётся. Он так прочь бежал, что деревья не видел.

Корюшкин чуть попозже сам к тому месту, откуда медведь появлялся, сходил. И действительно, в лесу – густом-густом, стеной непроходимой! – будто тоннель кто пробил! Как медведь бежал, с испугу, не глядя, так все деревца некрупные и кусты из земли с корнем выворотил.

Корюшкин после этого на бабушку Машу с такиим восхищением смотрел! Мол, ну и бабушка у дедушки Вани, храбрая! Да что там храбрая? Храбрющая! Самого медведя напугала!

А бабушка Маша, когда они все из лесу возвращались, впереди и Корюшкина, и дедушки Вани шла, поторапливалась, даже на грабли не опиралась. И ещё вечером у печки, когда свежий хлеб на следующий день пекла, вздрагивала и головой покачивала:

– Ох ты, мнеченьки!

Глава 16. БРИГАДА – УХ!

Картофель, если его не окучивать, если специальным инструментом – тяпкой – землю со всех сторон вокруг кустика картофельного горкой не делать, плохо растёт. Так Корюшкину дедушка Ваня объяснял, когда Корюшкин на

уже окученные картофельные гряды в огороде смотрел.

В деревне, вообще, у многих огороды в порядке были. С крыши видно.

А вот у Ани с её бабушкой в огороде работы – от начала до конца.

Ещё бы!

Одна стара, другая мала: пока картофель садили, у других уже ростки показались. Другие окучивали, а бабушка с внучкой ростков дожидались.

Дождались – окучивать надо.

А работа тяжёлая. Бабушка Сима и без того сгорбленная, а над картофелем и вовсе в три погибели согнулась, когда тяпкой работала. Да видно, плохо стало – тяпку уронила, прямо на грядку присела.

Аня вокруг бабушки засуетилась, домой её повела: сперва с грядки подняла, затем под руку взяла...

Корюшкину всё видно.

Аня через некоторое время назад вернулась. Одна. Тяпку свою взяла и – давай трудиться.

Аня с крыши маленькая, огород – огромный.

Не выдержал Корюшкин, на землю спустился, в свою избу зашёл, спросил у бабушки Маши, не помочь ли чего. А так как помогать нечего было, отпросился в гости. К Ане.

В калитку Корюшкин не пошёл, через забор ближе. С одной стороны залез, с другой – шлёп! Хорошо, что не в крапиву, а рядышком.

Аня удивилась, когда Корюшкин тяпку бабушки Симы взял.

А Корюшкин сказал:

– Я помогу!

Аня головой замотала, мол, не надо, сама справлюсь!

Но Корюшкин не сдался. Только попросил:

– Ты покажи, как лучше, как быстрее. А то я ещё ни разу картофель не окучивал.

Ну Аня, как могла, показала.

И Корюшкин тоже стал работать. Только медленно у него получалось. Он два кустика картофельных окучил, а Аня уже все десять. Он ещё два прошёл, а Аня третий десяток начала.

Решил Корюшкин ускориться – тяпкой замахал и ка-ак даст себе по ноге! Тяпкой. Хорошо хоть не в шлёпанцах Корюшкин был, а в кроссовках. И кроссовки – крепкими были. Однако досталось ноге крепко.

Свалился Корюшкин на грядку. От боли. Вот только и сказать ничего не успел, Аня уже рядом оказалась. Кроссовку с Корюшкина стянула, смотрит – цела ли. В смысле, нога цела ли, а не кроссовка.

Корюшкин после удара шипит, Аня переживает, а с забора противным голосом дразнятся:

– Тили-тили-тесто, жених и невеста! Жених и невеста...

Аня как дразнилку эту услышала, так покраснела вся, кулаки сжала, будто собиралась кому-то взбучку хорошую устроить.

А Корюшкин глянул, кто это там в рифму говорит, и как выдаст в ответ:

– А тебе что, завидно?

– Чего это мне завидно? – с забора удивились. Точнее, удивился. Мальчишка. Лет десяти. И возмутился он даже: – Ничего мне не завидно!

– Как же не завидно, когда дразнишься? – Корюшкин продолжил. – Мне родители говорили, а они у меня люди умные, военные, сейчас в горячей точке служат. Так вот мне родители говорили, что дразнятся только те, кто завидует.

– Я – завидую?! – мальчишка ещё сильнее возмутился, с забора спрыгнул, к Корюшкину с Аней пошёл.

– Конечно! – Корюшкин головой кивнул. – Ведь не о тебе сейчас заботятся, а обо мне. Кстати! – тут же Корюшкин разговор в другую сторону увёл. – А что это вы, деревенские, такие недобрые?

– Чего это мы недобрые? – мальчишка остановился.

– Ну, как же! У себя в огороде наверняка всё сделали! А тем, кто послабее, кто не справляется, помочь не в состоянии! Я вот, городской, и то сюда пришёл! Потому что понимаю, если я не помогу, то кто ещё? Ты, что ли? Ты, по-моему, только дразниться и умеешь! А вот работать – это вряд ли!

И Корюшкин взял у Ани кроссовку отобрал, на ногу надел, поднялся да давай опять тяпкой вокруг кустиков картофельных землю собирать.

И мальчишка деревенский не выдержал. Тоже помочь решил. К Ане подошёл, забрал у неё тяпку и с Корюшкиным рядом встал:

– А ну, подвинься!

Аня без своего рабочего инструмента недолго была. Она в дом убежала, а потом назад вернулась. С ещё одной тяпкой.

Только вот и минуты не прошло, в огороде людей ещё прибавилось. Шурик прибежал.

Вообще-то Шурик в гости к Корюшкину шёл, но, узнав, что тот в свои гости утопал, вслед и отправился.

Шурик сразу сообразил, в чём дело:

– Помогаем? – спросил.

И тоже за дело взялся – у Ани тяпку отобрал и давай окучивать!

Кстати, у Шурика получалось лучше и быстрее, чем

у Корюшкина. Ну, так ведь он и постарше был, и в деревне каждый год летом помогал...

Тяпок в доме у бабушки Симы, видимо, больше не было. Поэтому Аня смотрела-смотрела, вздыхала-вздыхала и тоже решила рабочий инструмент отнять. У Корюшкина. Всё равно он медленнее всех трудился...

Когда бабушка Сима, в избе отлежавшись, в огород вышла, она глазам своим не поверила. До конца дела всего три грядки оставалось и то над этими грядками сразу три тяпки взлетали. А Корюшкин на заборе сидел и командовал:

– Аня, не торопись! Мальчишкам работы не останется!

– Шурик, аккуратнее делай! Ты во-он тот кустик недоокучил!

И на деревенского мальчишку Корюшкин тоже покрикивал.

Мальчишку, кстати, Егором звали, он в одном классе с Аней учился. Только, в отличие от Ани, разговаривать умел языком, а не в блокнотике карандашом.

Поэтому, когда Корюшкин говорил: «Егор, ты старайся!» – Егор отвечал:

– А ты кто тут такой командовать над нами всеми, бригадир, что ли?

– Ну, да! – Корюшкин отвечал. – Бригадир!

И когда бабушка Сима в огород вышла и сделанному удивилась, Корюшкин, как начальник, как бригадир, к ней с докладом подошёл. С забора слез и сказал:

– Бригада – Ух! Работали вчетвером с одиннадцати до двух!

А как так у Корюшкина в рифму доложиться получилось и почему бригада – «Ух», Корюшкин не знал. Вышло, и всё тут.

Глава 17. **МЕСТЬ КОРЮШКИНУ**

Одним утром, а точнее уже днём дедушка Ваня очень долго не возвращался с пастбища. Корову Декабрю он туда увёл, а назад всё не шёл и не шёл почему-то.

Бабушка Маша уже и Корюшкина разбудила, и завтрак с обедом приготовила, и по хозяйству кое-что сделать успела, а дедушки Вани всё не было и не было.

Бабушка Маша волновалась. Корюшкин на крышу забирался – смотрел на дорогу деревенскую между двух заборов длинных. Тимку они посылали по следу.

Тимка по следу не пошёл, разленился совсем в своей бане и вылезать из неё даже в огород не хотел. А дорога, если с крыши смотреть, пустынной была: заборы да трава-крапива по краям.

И бабушка Маша на поиски дедушки Вани засобиралась. И Корюшкин – тоже.

Вот только выйти они успели из избы во двор, а со двора на улицу. А дальше всё, стоп.

Почему – стоп?

А потому!

Трактор на улице показался! Маленький, но с тележкой. В тележке трава свежая, мягкая – кучей. На траве – дедушка Ваня. С радикулитом.

Радикулит – это болезнь такая, со спины появляется. Так поясницу схватывает, что не согнуться и идти очень больно!

Дедушку Ваню радикулит и прихватил. Прямо на пастбище. Домой идти далеко. Дедушка Ваня кое-как целый час или больше шёл, а всё только до тоннеля железнодорожного добрался.

На счастье тракторист знакомый по делам своим ехал. На тракторе.

Нарвал тракторист травы целую кучу, в тележку бросил, дедушку Ваню на траву уложил и поехал в деревню.

Вот как вышло!

Вечером за Декабрей идти некому оказалось.

Некому, если Корюшкина не считать.

Корюшкин так и сказал:

– А вы меня что, совсем за человека не считаете? Я уже самостоятельный! И дорогу до пастбища уже знаю. Когда коров пасли, ходил. С Декабрей я тоже справлюсь. Я ей нравлюсь – она меня не обидит. Дедушке Ваня с радикулитом только на печке лежать, бабушке Маше за дедушкой ухаживать. Так что я пойду, а вы дома оставайтесь!

И отправился Корюшкин вечером на пастбище.

И если вы думаете, что Корюшкина так легко одного в такую даль практически в незнакомом месте отпустили, то – да! Очень даже легко отпустили!

Почему?

А потому!

В деревне ребята почти взрослыми с самого детства считаются! Поэтому им многое доверяют.

И пусть Корюшкин городским был, но ведь дорога – знакомая! Декабря – корова спокойная! К тому же на пастбище вечером, как и утром, почти вся деревня идёт, все у всех на виду.

Хлеба с солью Корюшкин набрал – во все карманы джинсов и ещё в руку кусочек прихватил. Не себе – Декабре.

И Декабря Корюшкину очень обрадовалась. Когда Корюшкин за ней на пастбище пришёл.

По дороге вперёд с Корюшкиным ничего не случилось: и в деревне, и в поле, и под железной дорогой.

Вперёд – ничего, а вот обратно…

Корюшкин свою корову самым первым из всех забрал: хлебом с солью угостил, вожжи на рога набросил, причём Декабря сама голову наклонила – и пошли они домой.

Декабре идти тяжело было, Корюшкину легче.

Корюшкин себя почти совсем взрослым человеком чувствовал – сильным, умелым. А вот Декабря так напаслась, так травы наелась, что молока в ней было – не одно ведро, потому и идти было – тяжело.

С пастбища до железной дороги, до тоннеля, дорога широкая, у кого коровы не такие молочные, как Декабря, Корюшкина обгоняли. А вот за тоннелем поле началось. В поле тропинка узкая – человек человека ещё обгонит, а вот корова корову – уже нет.

Слева и справа в поле рожь. Топтать её, портить... Это только городские могут, на автомобилях – им что газон в городе, что хлеб в поле, по всему проедут, ничего не поймут. А настоящие деревенские всё, что на земле растёт, зря портить не станут.

Вытянулась за Декабрей длинная цепочка коров. Правда, никто из взрослых, в чём дело понимающих, на это не обижался.

Никто, кроме Серёги.

Серёга вместе со своей коровой сразу за Корюшкиным шёл. И ругался:

– У твоей коровы что, только первая скорость работает? Или это у тебя, городского, сил нет? А ну, добавь газу, мелочь в кепке!

Разговаривать с Серёгой Корюшкину не хотелось. Даже поправлять его по поводу того, что не кепка у Корюшкина на голове была, а бейсболка.

И всё равно Серёга не отставал:

– Да поддай ты своей скотине как следует! – И начал

прутом, которым свою корову подгонял, Декабрю хлестать.

Декабря с обиды замычала жалобно, с ней за всю её жизнь так плохо никто не обращался.

И Корюшкин не выдержал! Подлетел к Серёге и как выдаст ему:

– Ты, верзила дубовая! Если вырос, так и всё можешь, что ли? Если курить умеешь, так и других обижать тебе разрешено?

– Ага! – Серёга ухмыльнулся. Нехорошо так ухмыльнулся. Остановился и ка-ак толкнёт Корюшкина!

Да ещё и бейсболку успел снять. С Корюшкина. Когда тот полетел. Прямо в рожь.

Вскочил Корюшкин на ноги и бросился на обидчика с кулаками.

А Серёга прутом – толстой веткой – замахивается:

– Я тебе дам верзилу! Я тебе припомню пастбище! Я тебе и за Аньку всыплю!

Плохо бы тут Корюшкину пришлось, но взрослые подбежали: кто за руку Серёгу схватил, кто прут отобрал.

А Декабря... Декабря, пока Серёга ругаться продолжал, взяла изловчилась да хвостом ему по мягкому месту ка-ак поддаст!

Подскочил Серёга, будто ужаленный, свою корову взгрел кулаком и прямо по полю с ней! В обход и Декабри, и Корюшкина!

Только Корюшкин и услышал:

– Всё, мелюзга! Конец твой сегодня пришёл! Отомщу!

...Взрослые в поле вокруг Корюшкина немного постояли, головами покачали, на Серёгу поворчали, но – идти всем надо, у всех дома дела. Пошли. Корюшкин с Декаброй впереди, остальные – следом.

Как поле закончилось, деревня началась.

В деревне дорог много. У каждого своя.

До избы дедушки Вани всего ничего оставалось – два проулка. А дорога – между двумя заборами длинными шла. За заборами огороды чужие.

Всё бы ничего, да вот случилось!

Была в деревне одна корова. Сильно бодучая. На всех, на кого ни попадя бросалась. Её даже в стадо общественное не пускали, потому что нескольким коровам бока своими рогами порвала.

Хозяева эту корову бодучую всегда дома держали, а если и выпускали, то только в свой огород.

И надо же такому случиться – эта самая корова на пути Корюшкина и появилась! Из проулка вышла.

Корюшкин впереди шёл.

Декабря за ним.

Слева-справа заборы высокие.

Под заборами крапива роста метрового да выше.

Назад бежать – скорости не хватит. Свернуть – некуда.

Корова бодучая, как Корюшкина увидела, голову наклонила – рога выставила, копытом землю рванула и ка-ак помчится! На Корюшкина!

Корюшкин на месте и застыл. Будто ноги отнялись. Или не отнялись, а к дороге приросли.

И случилась бы беда! Да такая страшная, что и говорить жутко!

Случилась бы.

Если бы не Декабря.

Шагнула Декабря к Корюшкину. Обошла его. Прикрыла телом своим. Поперёк дороги встала, сама голову наклонила...

Рога у Декабри большие, крепкие. Роста Декабря боль-

шого. Из-за Декабри Корюшкина и не видать вовсе.

И сказала Декабря бодучей корове коротко, но ясно:

– Му-у!

И ведь так сказала, что бодучая корова тут же всеми четырьмя копытами затормозила, остановилась как вкопанная, подумала секунду-две, хвостом повернулась и в свой проулок побежала.

А Декабря назад попятилась, обратно за Корюшкиным встала и головой тряхнула. Мол, веди меня, Корюшкин, дальше. Домой.

И Корюшкин повёл. Шаг сделал, другой...

И вдруг за забором Серёгу увидел. Тот за Корюшкиным сквозь щель между досками следил и Корюшкину кулак показывал.

Тут и понял Корюшкин, откуда корова бодучая на его пути оказалась. Это же месть Серёгина была. Ему, Корюшкину!

Глава 18. ПОЧТИ ПРО ДРУЖБУ

Спокойной жизни у Корюшкина долго не было. И не потому, что каждое утро приходилось ему вставать раным-ранёшенько и Декабрю на пастбище уводить. И не потому, что каждым вечером нужно было за Декабрей идти, домой её возвращать.

Корюшкину Серёга-хулиган спокойно жить не давал.

То днём начнёт по Корюшкину из рогатки стрелять, когда Корюшкин на крыше капитаном океанического лайнера себя представляет. То среди ночи – вот же не спалось ему! – по сеновалу, где Корюшкин сладкие сны смотрит, камнями кидать примется.

Впрочем, подумаешь – рогатка!

Корюшкин просто слезал с крыши и в огород уходил.

Ягоды поест, огурцом похрустит – и обратно на крышу возвращается. Когда Серёга уйдёт.

А камни по сеновалу?

Так ведь стенки у сеновала из досок! Доски – прочные. Камни от досок отскакивают. Иные и в Серёгу рикошетили. Корюшкин слышал, как Серёга ругался.

Ну, а если уж стук сильно надоедал, брал Корюшкин с собой подушку и к Тимке в баню уходил. Там тоже хорошо спалось, и вениками сухими берёзовыми пахло вкусно.

Правда, одним днём Корюшкину всерьёз не по себе стало. Сперва не по себе. А после он и хохотал даже! Но сначала...

Вышел Корюшкин на улицу. Прогуляться. А Серёга тут как тут! И главное не один. Сразу трое мальчишек на Корюшкина с кулаками накинулись!

Серёга-то в сторонке стоял, смотрел-любовался.

Сперва любовался. Потом вместе со своими друзьями кричал.

Что кричал?

Ну, там «Спасите! Помогите!». И ещё что-то.

Корюшкин ведь не один на улицу гулять вышел. Петух Петька с курицами своими тоже не во дворе был. А мальчишки, когда на Корюшкина бросились, чуть кур не затоптали. Ногами.

Какому петуху такое нахальство понравится?!

Петька не из робкого десятка. Даже с лисой справлялся! Не один, конечно, с Тимкой. Но ведь мальчишки не лиса. Тем более Тимка, когда шум на улице услыхал, тоже там же оказался. Вдвоём с Петькой они и устроили. Побоище!

Корюшкину и защищаться не пришлось.

Петька одного мальчишку клювом – в ногу, другого – в руку, третьего, подлетел – в грудь ударил!

Тимка следом и тоже – и в ногу, и в руку, на третьего прыгать не стал, как первого, за пятку цапнул. Не больно, но чувствительно.

А когда мальчишки разбегаться стали во все стороны, Петька с Тимкой Серёгу увидели...

В общем, хохотал Корюшкин так, что за живот даже хватался и глаза вытирал. От слёз. Вот до чего дохохотался!

И на другой день Корюшкин ещё посмеивался. Да только недолго.

Декабрю он на пастбище отвёл, позавтракал второй раз тем, что бабушка Маша приготовила, в огород сходил – политься помог, ягод немного похватал, да на крышу свою любимую забрался.

И увидел!

С крыши!

Серёгу!

В том самом месте, где не так давно на Корюшкина, по Серёгиной же милости, корова бодучая напала.

Теперь та корова за Серёгой гналась.

Серёге куда деваться? Слева-справа заборы высокие, вдоль них крапива жгучая метровая да выше. Свернуть некуда, спрятаться негде.

Выкрутился Серёга. В самый последний момент, когда до его спины корове чуть-чуть оставалось, заскочил он на столб.

Когда-то таких столбов между заборами много стояло – линия телефонная шла. Потом кабель кто-то срезал – своровал, осталась деревня без телефонной связи. А ещё какое-то время спустя и столбы исчезать стали – кому на дрова, кому ещё куда.

Один столб остался.

Никому не нужный.

Старый потому что.

Гнилой.

Корова бодучая, видно, знала, что столб такой: чихни и свалится.

Разбежалась корова и в столб головой, рогами, – ба-бах!

Серёга едва на столбе удержался. А столб – наклонился.

Корова на Серёгу посмотрела, на столб – внимательно, отошла назад, разбежалась хорошенько да опять по столбу – ба-бах!

Серёга на месте остался, столб – ещё сильнее наклонился, по низу трещина пошла, со звуком:

– Тхр-р-р!

Серёга тоже звук издал:

– Мама! – сказал.

Корюшкин с крыши слетел будто. Не то чтобы ему сильно Серёге помогать хотелось. Но с другой стороны, корова бодучая – зверь. Дикий почти. Что от Серёги останется, если столб упадёт?

Пролетел Корюшкин двор, улицу, за угол избы на дорогу завернул и... Назад заскочил. За угол. За избу.

Из-за угла Корюшкин на дорогу выглянул, на корову посмотрел, на Серёгу, задумался: помочь-то как?

Скомандовать корове, чтобы прочь шла? Такой скажи, сам пойдёшь – быстрее ветра.

Прут взять, замахнуться? Да что корове бодучей ветка какая-то?

Тимку позвать? Нетушки! Жизнью друга рисковать – последнее дело...

И тут!

Вдруг!

Мысль Корюшкину пришла!

Одна, но замечательная.

Решил Корюшкин замычать. По-коровьи.

Мычать он давно научился. С Декабрей так разговаривал.

Декабря пока на пастбище идёт да с пастбища возвращается, нет-нет да скажет своё «Му-у!». И Корюшкин ей в ответ тоже: «Му-у!» Идут так вдвоём и общаются, по-коровьи: «Му-у! Му-у!»

И всем весело!

Здорово Корюшкин по-коровьи говорить научился, от Декабри и не отличить.

Дедушка Ваня с бабушкой Машей смеялись даже, говорили:

– У нас теперь две Декабри. Точнее, одна Декабря, а второй Декабрь, наверное...

Вот и замычал Корюшкин. Как Декабря. Как в тот раз, когда она его от коровы бодучей защитила.

На всю улицу Корюшкин замычал. Или даже на всю деревню:

– Му-у!

А затем выглянул Корюшкин из-за угла на дорогу. И вздохнул с облегчением.

Почему?

Да потому что – сработало!

Потому что коровы!

Рядом со столбом!

Не было!

Столб остался, Серёге на столбе – тоже. Корова – ушла. Помнила, видно, Декабрю. Связываться с себе подобной не хотела.

Подбежал Корюшкин к столбу и сказал. Серёге сказал, не столбу:

– Давай скорее отсюда, пока эта зверюга не вернулась!

Серёгу уговаривать не пришлось. Вмиг со столба на землю – прыг! На Корюшкина глянул, секунду подумал и... руку протянул:

– Спасибо!

Корюшкин рот приоткрыл от удивления, обратно закрыл, руку протянутую пожал, сам секунду подумал и спросил:

– А может, тогда это, того... Мир? Дружба?

– До дружбы ещё дожить нужно! – Серёга ответил. Сплюнул в сторону и добавил: – Но я теперь тебе как бы должен. Так что, если хочешь... Пусть дружба будет. Только сильно не радуйся!

Глава 19. ПОЧТИ СКАЗОЧНАЯ

Земляника с молоком – это такое объедение! Словами не передать, можно только животом почувствовать и настроением хорошим.

И пусть земляника не из леса, а с огорода, с тепличных грядок, всё равно – здорово!

Но!

Могло быть ещё лучше.

Если бы перед земляникой с молоком грибы жареные с картошкой были.

Кстати, это уже не просто объедение, это объедение – супер, суперобъедение.

Грибы в лесу появились. И места грибные в лесу имелись. А идти по грибы некому. Из домашних только Корюшкин далеко ходить может.

Но одному Корюшкину в лес нельзя. Лес – тайга, там заблудиться – за дерево шагнуть.

Дедушка Ваня Корюшкина в лес не отпускал. Бабушка Маша – тоже.

И хотя Корюшкин очень воспитанным был, а значит, послушным, всё равно грибов ему здорово хотелось.

Он и подумал: «Я только с краешку в лес зайду, посмотрю. Если грибы найду – хорошо, если нет, так домой вернусь, никто и не заметит!»

Отвёл Корюшкин утром Декабрю на пастбище, поел хорошенечко – земляники с молоком – и сказал дедушке Ване с бабушкой Машей:

– Вы меня не теряйте! Я в гости. К Ане. А потом к Шурику. Ну, или наоборот.

Кто бы с Корюшкиным спорил? В гости – иди на здоровье!

А Корюшкин, на беду свою, взял да и в лес! Той самой тропкой, которая на поляны лесные ведёт.

Медведя Корюшкин не боялся, его бабушка Маша напугала. А от других зверей какая беда? От зайца или лисы?

Корзинку Корюшкин не брал, чтобы дедушка Ваня с бабушкой Машей не заподозрили неладное.

Взял Корюшкин только пакет полиэтиленовый. И ещё нож перочинный. Чтобы грибы не рвать, – так делать нельзя! – а аккуратно под корешок срезать.

А про Тимку Корюшкин позабыл. На беду свою. Или на счастье. Ведь если бы взял, глядишь, и не случилось бы ничего.

А так...

Мимо огорода Корюшкин прокрался, за дорогой неезженой строение с дверью заколоченной в полный рост миновал, через поле с клевером ветром промчался и – оказался в лесу.

Первый гриб Корюшкин увидел за первой же елью. Обрадовался, подпрыгнул, «Ух, ты!» – сказал...

А гриб поганкой оказался.

Шагнул Корюшкин дальше, за вторую ель. И снова гриб увидел. Опять обрадовался, в ладоши захлопал, «Ура!» – крикнул...

А гриб другой поганкой оказался.

– Тут что, все грибы – поганки? – удивился Корюшкин. Вслух удивился. Как будто лес его слышать мог.

А лес словно и вправду слышал.

За третьей елью Корюшкин настоящий – съедобный! – гриб нашёл. Сыроежку!

– Ну, с почином! – сам себе Корюшкин сказал. И лес поблагодарил: – Спасибо!

Видимо, добрые слова всем нравятся, потому что после сыроежки грибы Корюшкину стали попадаться почти за каждым деревом. Нормальные грибы: и сыроежки, и обабки...

Полный пакет Корюшкин набрал. Остановился, выпрямился, пот со лба рукой смахнул, оглянулся и... И не увидел тропинки. Той самой, по которой в лес зашёл.

Похолодело у Корюшкина внутри. По спине мурашек толпа пробежалась.

Ветер где-то наверху подул – закачались макушки сосен да елей, зашумели, запереговаривались:

– Заблудился? Заблудился! Пропадёт? Пропадёт!

– Ничего я не заблудился! – крикнул Корюшкин громко. – И пропасть я не пропаду! Я дорогу знаю, запомнил!

И потопал Корюшкин назад. Вернее, показалось ему, что назад он пошёл. На самом деле непонятно было, ни где тропинка, ни где поле клеверное, ни где деревня со станцией.

Как назло и грибы вдруг пропали. Под ногами только сучья старые-престарые оказывались – хрустели-трещали под ногами. Деревья тоже какими-то мрачными стали: со-

сны здоровенные-высоченные, со стволами широкими, серыми да чёрными, ели дряхлые, с иголками неживыми – то рыжими, то сизыми.

Пробовал Корюшкин «Ау!» кричать. Но ответом ему тишина была. Даже эхо не отзывалось.

А потом сосны с елями пропали, осинки пошли да берёзки чахлые. И под ногами зачавкало.

Удивился Корюшкин, что такое?

А под ногами, из-под травы – вода.

– Болото! – ахнул Корюшкин. – Откуда оно?

Никто Корюшкину не ответил, только страшно забулькало впереди.

Испугался Корюшкин, как бежать бросится!

Да куда бежать? Несколько шагов сделал, за деревце поваленное запнулся, шлёпнулся прямо в грязь – джинсами, рубашкой, руками, пакетом с грибами.

И только встать хотел, как вдруг!

Прямо перед собой!

Увидел!

Руку!

Человеческую...

Тянулась рука к пакету с грибами, Корюшкиным оброненному – медленно-медленно, страшно-страшно.

А затем голос раздался!

Человеческий.

Старушечий.

–Ты, милок, откуда такой? Не то от лешего. Не то от водяного. Не то от обоих сразу. Извозюкался-то как! Чисто поросёнок лесной!

Поднял голову Корюшкин. С трудом. Еле-еле страх пересилив. И увидел перед собой старушку.

И вовсе не страшную.

Юбка у старушки, чёрная, до самой земли была, по краям временем побитая. Ватник или телогрейка – не разберёшь что – тоже не новый, тоже чёрный, с рисунком по рукавам – ягодки красные, выцветшие. На все пуговицы ватник застёгнут был, на пуговицы большие да разные: одна зелёная, другая жёлтая, третья коричневая, четвёртая синяя.

Больше всего Корюшкина платок старушкин удивил. Повязан он был не под подбородком, а наверху, на макушке. Кончики платка словно ушки заячьи торчали.

Корюшкин как на эти ушки глянул, так и прыснул смешком.

– Заблудился, что ли? – старушка на смех внимания не обратила, Корюшкина внимательно разглядывала.

Лицо у старушки старое-престарое, в морщинах глубоких, брови густые-прегустые, губы сухие, нос с горбинкой. А вот глаза... Глаза – удивительные. Молодые-молодые!

– Ага! – Корюшкин головой кивнул. – Грибы хотел пособирать, да вот...

– Знаю! – остановила Корюшкина старушка; пакет с грибами, с земли взятый, в руках потрясла. – Вижу.

– Там хорошие грибы! – поспешил заверить старушку Корюшкин.

– Одни поганки! – старушка опять Корюшкина остановила.

– Как поганки? – Корюшкин возмутился, пакет у старушки отобрал, раскрыл. – Вот, смотрите сами! – И глаза округлил, ахнул: – Не может быть!

Весь пакет!

Был полон!

Самых!

Настоящих!

Поганок!

– Не может быть! – ещё раз Корюшкин сказал и чуть не расплакался. – Я же сам видел, что собирал!

– Бывает! – старушка Корюшкина утешила, по плечу похлопала. – Не переживай. Как говорится, леший водил, к водяному зазывал, оба ни с чем остались! Пакет не бросай, я тебя на дорогу выведу! – сказал старушка так, руку к деревцу, рядом стоящему, протянула... А это и не деревце вовсе – палка-клюка.

– А! А! – Корюшкин заикаться начал, даже за сердце схватился. – А вы кто?

– А сам как думаешь? – старушка первый раз за весь разговор улыбнулась; морщинки на лице разбежались, лучиками засветились.

– Как думаю, сказать стыдно, – признался Корюшкин; он ведь про Бабу-ягу подумал!

– Ну, тогда бабушкой просто зови, – старушка сказала. – Да пошли давай! Тебе ведь по делам скоро бежать, корову из стада забирать...

Тут и отлегло у Корюшкина от сердца. Подумал он, видно, из деревни старушка, раз про корову знает. Видно, встречала его, Корюшкина, в деревне.

А как до края леса дошли, Корюшкин и не заметил. Только когда тропинку знакомую под ногами увидел, обрадовался! И – давай старушку благодарить!

Но старушка и тут его удивила.

– Не мне спасибо, тебе! – сказала. – Добрый ты. Вот недавно дело хорошее сделал. И лесу спасибо говорил. За то тебе и подарок. Беги!

И рванул Корюшкин! Выскочил из леса в поле клеверное и тут же на Аню налетел:

– Бац!

Так лбами стукнулись – искры в разные стороны посыпались!

– Ты откуда? – Корюшкин удивился, когда лоб звенеть перестал.

Достала Аня блокнотик, Корюшкиным подаренный, и стала писать в нём:

«Я спала, и сон мне приснился. Будто какой-то дядька мохнатый тебя в лес заманивает.

Я проснулась, и мне страшно стало.

Пошла к тебе. А дедушка Ваня сказал, что ты в гости пошёл. Ко мне. Или к Шурику. Ну, я написала, что ты, видно, у Шурика, а сама к лесу. Вдруг ты на самом деле в лес отправился!

У нас ведь в лесу кого только нет! И медведи встречаются настоящие!

А ещё Баба-яга в лесу живёт!

Мне бабушка моя рассказывала. Когда маленькой была, в лесу заблудилась. До ночи аукала, дорогу искала. В болото зашла, думала – пропала.

А потом вдруг, глянь, старушка перед ней. Незнакомая. Не из деревенских.

И вывела эта старушка мою бабушку из леса.

Бабушка сразу догадалась, кто это был. Баба-яга! И с клюкой она была, и прихрамывала.

Видно, пожалела Баба-яга мою бабушку. За болезнь, за жизнь несчастную.

А бабушка до сих пор помнит её. И даже как одета она была, мне рассказывала. Вся в чёрном, говорит, и платок чудно повязан. Не как у наших женщин, под подбородок, а сверху. Кончики, будто ушки заячьи болтаются...»

Как Корюшкин про ушки заячьи прочитал, так и обмяк весь. Даже пакет с поганками из рук выронил.

А пакет на тропинку – шлёп! – и раскрылся.

И вывалились из пакета в траву грибы. Все один к одному: обабки да сыроежки – свеженькие, крепенькие...

Никому потом Корюшкин про лес не говорил, про старушку странную не рассказывал.

А пакет с грибами он Ане отдал, она потом к дедушке Ване с бабушкой Машей пришла и половину подарка лесного гостинцем на стол выложила.

Глава 20. КАК БЫ ПОСЛЕДНЯЯ, В ДВУХ ЧАСТЯХ
Часть первая

Знаете, иногда человек утром просыпается и понимает, – всё! Именно сегодня должно произойти нечто важное-преважное. И тут главное, ничего не делать такого, что бы могло помешать этому важному-преважному случиться.

И Корюшкин не стал мешать.

Повёл Декабрю на пастбище – встретился с Аней.

Пошли они с пастбища назад, в деревню, Аня и говорит... В смысле, как говорит? За рубашку Корюшкина, за рукав, – дёрг!

Корюшкин в глаза Анины посмотрел и без всякого блокнотика догадался: предложила Аня возле железной дороги на насыпи посидеть, помечтать, на поезда посмотреть.

А почему бы и нет? Зачем важному произойти мешать? Тем более что Корюшкин с Аней самыми первыми своих коров в стадо привели. Остальные – деревенские да со станции – ещё только вперёд шли.

Поезд – будто ждал!

Из-за поворота:

– У-у-у! – И колёсами: – Тук-тук-тук-тук, тук-тук-тук-

тук... – грузовой. Пятьдесят девять вагонов, электровозов не считая.

Насыпь под Корюшкиным и Аней подрагивала, словно живая вздыхала – вверх-вниз поднималась-опускалась.

Хорошо!

С другой стороны тоже свисток раздался – электричка вылетела. Короткая, шесть вагонов всего. Но всё равно – и колёсами постучала, как большой поезд, и насыпь железнодорожная от электрички повздыхала.

Классно!

– Следующий товарный будет! – Корюшкин сказал.

Аня головой помотала: «Нет! Пассажирский!»

Корюшкин спорить не стал: вдруг важное именно сейчас произойдёт, а он ему помешает!

Но вместо важного и вместо поезда появился перед ребятами Серёга. Из тоннеля вышел. Вернее, сначала корова его оттуда показалась, а уже за ней и Серёга.

Опоздал Серёга на пастбище, проспал. До сих пор спать хотел, медленно шёл, сонно. Корова его и то вперёд хозяина в стадо бежала, торопилась.

Корюшкин Серёге рукой помахал – поприветствовал.

Аня поступку Корюшкина удивилась, но она же не знала ничего! Корюшкин про случай с коровой бодучей ей не рассказывал, зачем Серёгу позорить? И про дружбу, то есть как бы про дружбу, тоже ничего Корюшкин не сказал Ане.

Вот Аня и удивилась. Правда, спросить ничего не успела – снова за поворотом засвистело.

И – права Аня оказалась.

Выскочил из-за поворота поезд пассажирский. С вагонами цвета голубого-синего.

Из окон вагонных люди заспанные на мир смотрели.

Корюшкин с Аней им руками помахали. Попрыгали ещё немного – пути счастливого пожелали. Потом успокоились – обратно на насыпь сели.

Достала Аня блокнотик и написала: «Я когда вырасту, стану помощником машиниста поезда дальнего следования!»

– Не понял? – удивился Корюшкин. – А почему не самим машинистом? Почему – помощником?

Улыбнулась Аня грустно, и ответ у неё грустным получился: «Помощнику машиниста разговаривать не обязательно. А машинист с диспетчером по связи общаться обязан».

– Зато сколько всего повидаешь! – решил Корюшкин подружку приободрить. – Во скольких городах побываешь! Представляешь?

«Да!» – Аня головой закивала, заулыбалась, спросила: «А ты, когда вырастешь, кем будешь?»

– Я? – Корюшкин задумался. – Я?..

И так Корюшкин сильно задумался!

И так Аня на Корюшкина засмотрелась, когда ответа ждала!

Что!

Не услышали они, как за поворотом снова свисток раздался.

Не почувствовали они, что насыпь вздыхать принялась.

А из-за поворота – тяжёлый-тяжёлый! Длинный-длинный! Весь такой грузовой-грузовой! – товарный состав показался.

Вёз товарный поезд в специальных вагонах специальный камень для строительства важный – щебень.

И один из вагонов не выдержал. Дорогу не вынес. Или поворота крутого. Или ещё чего. Да не в этом дело!

Дело в том, что из вагона щебень высыпаться стал.

А машинисты аварии такой не видели.

И Корюшкин с Аней не видели.

И никто не видел кроме... Серёги.

Серёга за коровой за своей до пастбища дошёл, убедился, что корова его пастись отправилась, и обратно повернул. И увидел, что на насыпь из вагона камни летят. А на насыпи Корюшкин с Аней...

Ни Аня, ни Корюшкин не поняли сначала, что случилось. Даже ругаться принялись. Но когда разобрались, в чём дело...

А Серёга так рванул! Так на ребят – в самый последний момент! – налетел, что даже лбами их друг об дружку стукнул!

И лежал Серёга на насыпи железнодорожной, собой Корюшкина и Аню прикрыв. Прямо как дедушка Корюшкина, когда в войну свою будущую жену с братом её от немецкого самолёта спасал.

Дедушку Корюшкина тогда осколками поранило крепко. Серёге – камнями по ногам досталось.

Хорошо, что самые крупные камни ещё раньше насыпи из вагона вылетели – тоннель только железнодорожный засыпали.

Но и мелкими так по Серёге пришлось, что на ногах синяки тут же появились!

...Возвращались ребята в деревню втроём: с одной стороны Корюшкин, с другой – Аня, а Серёга – посерединке, на Аню и на Корюшкина опираясь.

Больно Серёге было.

Здорово больно.

Хромал он.

А Корюшкин сказал:

– Вот что значит – дружба! Можно сказать, жизни своей ради нас не пожалел! Ты теперь герой настоящий!

А Серёга, морщась от боли, ответил. В сторону сплюнул и выдал:

– И ничего не дружба. Просто я тебе должен был. А теперь мы квиты. Так что в следующий раз мне не попадайся лучше! А насчёт героя... Это – да! Мы такие! Мы можем!

Хвастался Серёга.

Но Корюшкин на это хвастовство внимания не обратил. Он почему-то на Аню внимательно посмотрел и подумал, про своих дедушку с бабушкой вспомнив: «А может, он, Серёга, когда вырастет, на ней, на Ане, женится?»

Часть вторая

О Серёге Корюшкин и дедушке Ване рассказал, и бабушке Маше. И Тимке историю про своё с Аней спасение поведал, и петуху Петьке!

И до самого обеда Корюшкин думал про Серёгу: «Вот ведь какие люди непонятные бывают! Обижал, пакостил, а как до дела настоящего дошло, так совсем другим стал. Таким... Как мой дедушка! Героем! С таким Родину защищать – никого не бояться!»

И мечтал Корюшкин, что вырастет он и генералом станет, а Серёга у него – полковником будет. И будут они вместе на настоящем танке ездить. Или на боевом самолёте летать. И всех девочек маленьких, таких, как Аня, спасать.

Как именно он девочек спасать будет, Корюшкин не додумал. Бабушка не дала.

Не бабушка Маша.

И не Анина бабушка – Сима.

И не та, которая из леса, которая как бы Баба-яга.

Родная бабушка Корюшкина в деревню приехала!

Из города!

На электричке!

Да ещё с такими новостями хорошими!

Лучше и не придумаешь!

Во-первых, дедушка Корюшкина поправляться начал. У него одна рука и одна нога заработали. Благодаря бабушкиному массажу и специальным травяным втираниям. Ну и врачи тоже помогали. Врачи, кстати, своё обследование провели и решение вынесли: поправится дедушка к осени. Ну, в самом худшем случае, к зиме. Полностью поправится!

Во-вторых, дома всё нормально было. Кот Кузьма не похудел, попугай Иннокентий Петрович разговаривать не разучился, хомячок Тимон из клетки не сбежал.

В-третьих... И это самое главное было: мама с папой Корюшкину письмо написали!

Родители сумели до бабушки дозвониться и узнать: что, где, когда, как, почему и прочее.

Сообщали родители в письме, что служится им нормально. Что живы они и здоровы. Что по Корюшкину сильно-сильно скучают, но пусть Корюшкин из-за этого не расстраивается. Что, когда человек долгое время от близких ему людей далеко находится, понимает человек, как они, близкие люди, ему, человеку, дороги.

Обрадовали родители Корюшкина тем, что маму Корюшкина к первому сентября в краткосрочный отпуск отпустят. Чтобы мама домой «на немножко вернулась» и Корюшкина в школу отправила, как положено!

И ещё родители писали, что Корюшкину от армии выделили путёвку в летний детский лагерь. И не куда-нибудь в лес, а на Чёрное море!

Кстати, именно поэтому бабушка за Корюшкиным и приехала. Чтобы забрать Корюшкина из деревни и

отправить на Чёрное море. С другими ребятами отправить. Под ответственность людей серьёзных, взрослых, – воспитателей.

С деревней Корюшкин прощался... Нет, не прощался! Вместо этого грустного, даже плохого в чём-то слова «прощаться» Корюшкин другое слово придумал: «Досвиданькаться!» То есть до свидания говорить, до встречи.

«Досвиданькался» Корюшкин с деревней так.

Танк свой на радиоуправлении оставил Корюшкин Шурику. Потому что Шурик в деревне оставался на всё лето. А с танком Шурику должно было быть веселее.

Все свои тетрадки, карандаши, ручки и фломастеры Корюшкин Ане отнёс. А кому ещё, как не ей?! Пусть рисует, пусть пишет-тренируется – ошибок по русскому языку меньше делать будет.

Пистолет Корюшкин решил подарить Серёге. За подвиг его. Прямо как военному человеку.

Военным людям за подвиги или просто за службу хорошую иногда не ордена с медалями дают, а настоящее боевое оружие дарят!

Вот Корюшкин к Серёге и побежал. Но Серёгу он дома не застал. И старших у него дома не было. И вообще, дом у Серёги оказался на замок закрыт. На большой замок, висячий. Тогда Корюшкин решил, что подарок Серёге он сделает позднее. Другой. Например, найдёт в Чёрном море самую огромную раковину-ракушку и – будет Серёга вечерами шум моря слушать.

А пистолет свой Корюшкин подарил Егору. Мальчишке, который с Аней в одном классе учился и помогал ей в огороде картофель окучивать.

– Это тебе, чтобы ты Аню охранял! – Корюшкин Егору сказал.

Дедушке Ване и бабушке Маше в подарок достался... Тимка. Не насовсем. Только на лето. Пока Корюшкин его обратно не заберёт. А чего? Такой подарок хороший и на несколько недель всего – подарок! Прямо-таки от сердца!

В самый последний момент Корюшкин решил на крышу залезть.

Забрался он туда, под самое синее небо. Встал крепко, чтобы не упасть: на облака глянул, на деревню посмотрел, на лес покосился и понял, что это ещё не всё.

Понял Корюшкин, что после летнего лагеря обязательно вернётся он обратно в деревню и случится здесь с ним такое! Что никогда с ним не происходило! И не только с ним. И это тоже может книжкой настоящей стать, если писатель, друг Корюшкина, про это узнает.

И самое главное Корюшкин с крыши увидел: времени прошло – всего ничего! Впереди у него, у Корюшкина, оставалось ещё почти целое лето!

Да что там – почти?

Целое лето!

Вот только, к сожалению, без родителей.

СОДЕРЖАНИЕ

КОРЮШКИН. НЕВЫДУМАННЫЕ ИСТОРИИ

КОРЮШКИН.
ЛЕТО БЕЗ РОДИТЕЛЕЙ

Литературно-художественное издание

Андрей ЗЕЛЕНИН

КОРЮШКИН.
ИСТОРИИ ПЕРВОКЛАССНИКА

Редактор *И. С. Архипенкова*
Художник *И. В. Нимурзина*
Корректор *И. С. Сергеева*
Вёрстка *С. Э. Неведомская*

Пермская краевая общественная организация
Союза писателей России:
614000, г. Пермь, ул. Сибирская, 30, Дом писателя.
Тел.: 8 (342) 212-43-28, 212-14- 97.
E-mail: permsprossii@rambler.ru

Оригинал-макет электронной версии книги
«Корюшкин. Истории первоклассника» (рассказы, повесть)
Андрея Сергеевича Зеленина подготовлен для Министерства культуры,
молодёжной политики и массовых коммуникаций Пермского края.